

ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

**ЮЛИЯ
НЕЛИДОВА**

**СЕКРЕТ
ИНДИЙСКОГО
МЕДИУМА**

Иван Иноземцев

Юлия Нелидова

Секрет индийского медиума

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нелидова Ю.

Секрет индийского медиума / Ю. Нелидова — «Эксмо»,
2018 — (Иван Иноземцев)

ISBN 978-5-04-093818-6

1888 год. Земской врач Иван Иноземцев не может наслаждаться спокойной жизнью в имении, да и женоушка Элен все никак не может успокоиться и забыть свои фокусы и любовь к аферам. А тут еще выясняется, что изобретенный Иноземцевым препарат «лунаверин», который обладает необычными и отравляющими свойствами, Элен передала, шутки ради, одной крупной европейской фармацевтической компании. И скоро он выйдет под другим названием как микстура от кашля. Иноземцев не может допустить, чтобы яд попал на прилавки аптек по всему миру...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093818-6

© Нелидова Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	22
Глава IV	27
Глава V	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Нелидова
Секрет индийского медиума

© Нелидова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава I

Бойся гнева терпеливого человека

1887 год

Сквозь сон Ульяна слышала стук колес и визг мчавшегося на всех парах поезда. Ее качало. Но еще глаз она не успела открыть, как мозг принялся лихорадочно соображать:

«Солнце в зените, времени около полудня, кондуктора давно перестали топтать в коридорах, стало быть, едем давно. А что Иван Несторович? Сидит напротив. Он небось зол. Очень зол. Можно, конечно, попробовать пристыдить доктора – шутка ли, взял да вколол девушке какого-то гадкого снотворного, отчего теперь ноет все тело. Надо признать, довольно элегантный способ обезвредить жертву, возьму на вооружение. Вот никогда не знаешь, чего ждать от человека, терпение которого так долго на грани пребывало. Я, конечно, повинна, что и говорить... Но разрази меня тысячи громов, ведь просила не лезть, а он все равно стал вскрытие делать, в суд заявился, неугомонный. Все нам едва не испортил!»¹

Ульяна чуть приоткрыла глаза, искоса взглянув из-под ресниц на Иноземцева. Тот сидел как грозовая туча, глядячи в окно. Мрачный профиль резко выделялся на фоне серости окна: морщинка поперек лба, складки у рта, губы поджал, руки на груди скрестив. За рассматриванием Ульяна едва не привлекла нежелательного внимания доктора. Но он, слава небесам, был столь погружен в раздумья, что не заметил легкого шевеления пассажирки, продолжал сидеть недвижимо, сверля взглядом сквозь стекла очков проскакивающие мимо виноградные уголья, будто одного только и желая – просверлить в окне вагона дыру.

«Ничего, отойдет, – про себя усмехнулась Ульяна и скосила глаза, обведя взглядом оконную раму. – Можно, конечно, через форточку сигануть, да открывать времени займет невесть сколько, не успею. Иноземцев, разумеется, мешать начнет, не отвертись. Да и вдруг застряну на потеху доктору. Не лучше ли дожидаться, когда он по нужде выйдет, – тогда-то и... А где мой багаж?»

Ульяна опять подавила желание пошевелиться, мысль о бесценном саквояже взволновала девушку не на шутку – там была собрана вся ее жизнь, весь ее передвижной театр, вся цирковая труппа. А лежала она неудобно, откинув голову на спинку дивана. Оглядеть комнату всю не получалось, и сумки, как назло, рядом не было.

Цирковая труппа и ее личный передвижной театр, умещенные в небольшой сумке, состояли из довольно простой штуки, называемой ею «быстрым нарядом». Несколько вещиц, заранее приготовленные, могли до неузнаваемости изменить любую внешность: платья с пришитыми на живульку оборками и корсажем, двойная накидка, парики, флаконы с мазями, краска. Кроме того, Ульяна всегда носила с собой напильничек со скрытым внутри острым клинком. Был у нее и браслет с альтернативом – такой второй вещицы во всем белом свете не сыскать. Позаимствовала Ульяна чудо-браслет на выставке в Париже у одного молодого физика: то ли серба, то ли венгра, с усиками и хитрыми глазами, его звали Никола², а фамилию Ульяна не запомнила. Электроды на завитушках украшения ударяли несильным электрическим разрядом и не раз помогали фрашировать жертву, бежать, если надо, обокрасть, если требуется, сбить с толку.

---

¹ Читайте об этом в книге Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

² Автор имеет в виду Николу Тесла (прим. редактора).

На одной из станций она хотела сменить образ, паспорта и в Кале уже прибыть в другом обличье, чтобы избежать себя от назойливости преследователей. Иноземцева рассчитывала повстречать не раньше, чем она сядет на пароход, и уже помахать ему с палубы, поглядеть, как он в отчаянии кулаками машет на пристани. Там уж и Делин мог наведаться, дабы доктору компанию составить. Да и адвокатишка охоту затеял, этот несносный Колобок – Эмиль Герши³, – неведомо, что от него ждать.

Стояла бы Ульяна на палубе какой-нибудь «Лузитании» с красными трубами, извергающими клубы черного дыма, а вся троица – глядевшаяся с такой высоты горсткой таракашек – прыгала б беспомощно, смешно подсакивала. Таракашки ручонки тянут, а Ульяны не достать, Ульяна в Нью-Йорк ныне стопы свои направила.

Но план безжалостно провалился – Иван Несторович явился за возмездием слишком рано.

Ромэн ненадежным оказался товарищем, видно, разболтал доктору о намерениях девушки⁴.

«Но ничего, выкарабкаемся, не из таких переделок выбиралась. Где же ты, сумочка моя дорогая, саквояжик мой родненький, крупица жизни моей и спасение?.. Хорошо еще велодог под юбкой на подвязке крепится, да нож тоже и шляпка с набором крючков на голове. Так ведь совсем без инструментов бы осталась».

– Поднимайтесь уже, – с раздражением проронил Иван Несторович, резко прервав внутренний монолог Ульяны. – Противно наблюдать агонию на вашем лице.

Со вздохом, не лишенным разочарования, девушке пришлось подняться и усесться на диване как полагается.

Дьявол! Ишь наблюдательным каким сделался.

– Куда мы едем? – кротко осведомилась она, изящным движением поправив съехавшую набекрень шляпку и выбившуюся прядку шиньона.

Иноземцев не ответил. И кажется, демонстративно не ответил, не удостоив и взглядом.

Ульяна подавила смешок.

Она знала, куда мчится поезд, и без него, без Иноземцева, – достаточно было взглянуть в окно – еще зеленые в октябре просторы долины Луары, ровные полосы виноградных угодий, холмистый пейзаж.

«Ясное дело, Иван Несторович решил сменить маршрут. В Кале ему делать нечего. Единственно, куда он мог направиться сейчас, – в поместье меье Лессепа, которое, по всему видимому, все-таки принял⁵. А это немалый бюджет – полмиллиона годовой ренты, виноградники, приносящие приятные сердцу и душе прибыли, ферма-скотобойня, лесные угодья. Хотя вряд ли Ванечка этим всем займется со своей совершенно не приспособленной к обычной жизни внутренней сущностью, привыкшей обходиться одним письменным столом, который ему и кровать, и обеденный стол заменяет, все на свете. Придется самой, – подсчитывала Ульяна, – все самой делать».

– Где мой багаж? Я надеюсь, вы распорядились его перенести сюда? – Она чуть приблизилась к столу и с лисей хитрецей потянулась пальцами к рукаву Иноземцева.

– Я его сжег.

– Что? – сердце пропустило удар, но Ульяна вида не подала. Лицо озарила кроткая улыбка. – Будет тебе, Ванечка, дуться. Мы ведь не дети. Где мой саквояжик?

– Я его сжег, – повторил Иноземцев.

– Вы с ума сошли! – не сдержалась она. – Как вы посмели? А мои документы?

---

³ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

⁴ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

⁵ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

Иноземцев вынул из нагрудного кармана все ее паспорта, разные свидетельства, прочие бумаги и с презрением швырнул на стол.

– Фальшивые паспорта, Ульяна Владимировна, – зло огрызнулся Иноземцев. Подцепил двумя пальцами один и добавил: – Вы намеревались втоптать и мое имя в грязь. Не выйдет.

– Вы меня сдать собираетесь? – ужаснулась девушка, лихорадочно принявшись соображать, что же у взъяренного доктора на уме.

«Хотел бы сдать – сдал бы еще в Париже. Ах, нет, благородного рыцаря играет, не мог же он меня в беспамятстве отвезти в Сюрте⁶, дожидался, когда в себя приду. Как же оно открывается, окно-то? Вон задвижка, вон – другая. Не успею, эх. Надо стекло выбить».

Взгляд упал на красивый подсвечник с тремя наполовину сторевшими свечами, но тотчас же, словно прочитав ее мысли, Иван Несторович спокойно взял его в руки и положил позади себя на диване, прикрыв бархатной подушечкой.

Ульяна поджала губы. Но тотчас изменилась в лице, нацепив самую жалостливую маску, на какую была способна.

– Ванечка, – взмолилась она, прижав ладонки к груди, – ну вы же не будете на меня целую вечность сердиться? Ну что я такого сделала, что вы на меня волком смотрите?

– Замолчите!

Доктор вскочил и в гневе дернулся вперед. Не будь стола между ними, точно растерзал бы на месте. Вцепился посиневшими от невероятного усилия пальцами в столешницу, нависнув сверху, точно могильный камень над надгробьем. Видно было: насилу себя удерживал от удара. Посиневшие от усилия пальцы неприятно хрустнули. Никогда Ульяна не видела его таким страшным, как сам сатана прям, ни дать ни взять. Один взгляд, кровью налитый, чего стоил.

– Ванечка! – взмолилась она было.

– Не смейте говорить со мной и забивать мне уши ватой! Еще несколько слов, и я убью вас. Клянусь! Больше всего на свете я мечтаю убить вас и, как добросовестный гражданин, покаявшись, преспокойно сесть в тюрьму, где наконец обрету долгожданный покой. Ваша смерть и высокие стены будут порукой моей безопасности. Дайте мне только один повод, единственный повод, и я сверну вам шею, как голубю!

Потом он взял себя в руки, сменил гримасу гнева на безразличие, отдернул полы редингота, сел обратно на диван и, отвернувшись, продолжил сверлить взглядом проплывающий пейзаж. Ульяне иного не оставалось, как замолчать и более не предпринимать попыток растопить его ледяное сердце.

«Тоже мне, ишь какой обидчивый, можно подумать, неженка. Ничего! Отелло доморощенный, прибудем на станцию, я такой скандал подниму, век помнить будешь, как барышень хорошеньких обижать».

Но случилось то, чего Ульяна никак предвидеть не могла. Настоящий позор ее удивительной пронырливости, ее ловкаческому амплу, ее неуловимости! Видимо, Иван Несторович научился читать мысли, не иначе...

Через четверть часа зашел проводник. Иноземцев подозвал его и велел наклониться к уху. Оба обменялись парой слов, которых Ульяне расслышать не удалось, как она ни старалась. Проводник кивнул, покосившись на девушку, и вышел, бочком-бочком пятясь назад, словно та была ядовитой змеей, никак не меньше.

Следом после короткой остановки на одной из живописных станций долины Луары явились санитары – четверо (откуда здесь в такой глуши взялись работники желтого дома, где Иноземцев их добыл, как нашел, уму непостижимо) и, бесцеремонно схватив Ульяну, облачили ее в смирительную рубашку. Уж как она ни кричала, как ни звала на помощь, ни руга-

---

⁶ Сюрте – полиция Франции.

лась по-русски, по-немецки, по-французски, даже кусаться пробовала, плевать и лягаться, но санитары жертву все же одолели.

Иван же Несторович на сие бесстыдное действие взирал с видом палача, преспокойно стоя в углу купе и по-прежнему с демонстративным презрением скрестив руки на груди. Его лицо даже торжества не выражало, будто каменный, будто бесчувственный пень. Даже когда Ульяна Владимировна расплакалась и принялась снова его умолять простить, он не отвечал, взял со стола газету и, скрывшись под ней, просто начал читать вслух.

Она – слезливую мольбу, он в ответ – крикливые заголовки да объявления. Ульяна повышала тон, Иноземцев ее перекрикивал.

– Ванечка, ну сжальтесь...

– Специалист по техническим и художественным съемкам на выезд.

– Ну перестаньте, это неприлично!

– Все виды душистого и целебного меда всегда в продаже.

Понимая, что в смиренной рубашке Ульяна выглядит не слишком привлекательно и даже комично, она в конце концов замолчала и, всхлипнув, решила остановиться на роли несчастной пленницы. По прибытии ей предстояло идти в таком виде через весь вокзал. Нужно было собрать все мужество и не потерять лица, напустить на себя как можно больше величественной печали, и отрешенного смирения, и еще чего-нибудь жалостливого и трогательного. Может, кто на станции и сжалится, спросит, кто такая, захочет узнать, за что так скручена, будто злодейка.

Французы – народ любопытный. Конечно же, удастся кого-нибудь разжалобить взглядом и парой слов, сказанных с надрывом, авось помогут или хотя бы начнут интересоваться и незаконный замысел доктора раскроют. В конце концов, можно просто начать кричать.

Но Иноземцев заранее был готов к любым попыткам сопротивления – каким манером, неведомо. Станция городка Буржа оказалась абсолютно пуста! Ни души ни на перроне, ни в зале ожидания, ни у касс – опять же то ли совпадение, то ли грубый расчет.

Неужели Иноземцев знал все заранее, что в такой-то час в расписании нет ни одного отбытия, ни одного прибытия.

А поезд, на котором они только что прибыли? Что же он, его весь целиком выкупил?

Ульяна шла, ведомая санитарам вдоль пустых вагонов, заглядывала в каждое оконце, в каждую дверь, крутила головой направо и налево – но тщетно, ни кондукторов, ни смотрителей, никого. Только доктор да санитары.

За станцией, окруженной лишь зеленью пустынных холмов, их встретил экипаж из замка. Кучер и лакей оказались совершенно бесчувственными чурбанами. На Ульяну, орущую и стонущую, глядели будто сквозь нее, оставаясь глухими к ее мольбам и плачу.

Вновь санитарам пришлось немало повозиться, чтобы заставить невольницу оказаться внутри кареты.

А железное сердце – этот Иноземцев проклятый – уселся на скамейке напротив, вновь на груди руки скрестил и спать завалился, привалившись виском к стеклу. Мог себе позволить, ибо один санитар на облучке сидел, двое других на запятках разместились. Даже если и удастся высвободиться из рубашки, то мимо этих здоровенных бугаев нипочем не проскочить. Вмиг догонят. Да и куда бежать? Кругом одни холмы...

Но Ульяна не теряла надежды. Не сидеть же, не ждать у моря погоды. Обладала она природной гибкостью и из пут знала, как выбраться. Даже воспользовавшись сном сатрапа, разок из рукавов руки вынула и обратно их засунула, ослабив узел. Осталось только подходящего момента дожидаться.

Прибыли в усадьбу Лессепсов к вечеру.

Алая крыша каменного замка тонула в кронах столетних дубов. Фортификацию охватывало кольцо чудесных виноградников – внутри парк с красивыми скульптурами, фонтанами и

скамейками, окруженный рвом. Замок был достроен совсем недавно, но уже без участия Лес-сепса-старшего. Сорок лет назад панамский король⁷ сам восседал на лесах с молотком в руках, на пару с каменщиками выдалбливая причудливые пилоны и волюты. Да после начала Панамской кампании так в него и не вернулся. Зато внук любил проводить здесь несколько летних дней, пока не покидал Европу в пользу жарких египетских пустынь. Усадьбу всегда держали наготове, вдруг кто из господ соизволит отдохнуть в сельской глуши от шумной парижской жизни.

Миновали въезд, миновали парк. Фонтан у крыльца подозрительно напомнил Ульяне ее бюловский фонтан, где она руками предка утопила итальянскую бабушку⁸, – те же нимфы, те же формы и размер.

В сердце закралась тоска, и даже совесть показала острые коготки в некогда мягких и неопасных лапах. Совесть Ульяны всегда была уснувшей кошкой, свернувшейся пушистым комком на печи, мягким, безобидным созданием, всегда покладистой и со всем согласной.

Иноземцев шел впереди, точно не раз бывал в этих хоромах и прекрасно знал дорогу, коридорами, лестницами шел, залами с мебелью, сплошь чехлами упакованной, поднялся на этаж, потом еще на один. Наконец остановился, указал на дверь. В эту минуту откуда-то снизу раздался голос управляющего.

– Рабочие прибыли, месье, – торжественно прокричал тот, будто возвещая о приходе каких-то очень важных особ.

Ульяна на минуту допустила схожесть его тона с тоном судебного исполнителя, который грозно оповещал в начале судебного заседания о приходе судьи.

«Рабочие прибыли!» – «Суд идет!» Ох не к добру все это...

Ульяна насторожилась – да и вообще, какие, к лешему, рабочие? Зачем? Хотела хоть краем глаза глянуть вниз, но санитары не дали, бесцеремонно поволокли в комнату.

Иноземцев оказался ужасным негодяем – покои, что предоставил он пленнице, имели, разумеется, и мебель, и кровать, но все было сплошь паутиной затянуто да пыльными чехлами укутано. Кровать не застелена. На ней не имелось даже матраса, даже соломенной лежанки. Придется почивать ложиться на грубые поперечные рей. Нарочно доктор выбрал из числа тех комнат, которые для хозяев не держали. И, стало быть, вряд ли это было временным неудобством.

Увидев, как санитары один за другим выходят, а следом и Иноземцев, она взорвалась негодованием, точно вулкан.

– Да вы в своем ли уме, Иван Несторович? – вскричала она по-русски, аж закашлявшись. – Как вы смеете... как смеете так жестоко обращаться с женщиной?

Иноземцев обернулся на короткое мгновение, его лицо вздрогнуло в усмешке. Окинул Ульяну насмешливым взглядом и бесстрастно переступил порог.

– Да вы хоть снимите с меня эту тряпку! Я задыхаюсь!

– Сами справитесь, – бросил он через плечо.

В бешенстве Ульяна сорвала с себя смирительную рубашку и швырнула ее вслед обидчику. На что доктор разразился каким-то неестественным сатанинским смехом, захлопнул за собой дверь и повернул в замке ключ на два оборота. Услышав этот спасительный звук, девушка просияла, ее мозг тотчас же разжился планом побега. Если ключ вынут, ей хватит нескольких минут, чтобы с помощью шпильки вскрыть замок, если оставят – будет еще проще, откроет за минуту.

---

⁷ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

⁸ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Она бросилась к двери и принялась исследовать замочную скважину, тип замка и ручки. Но тотчас же отпрянула от страха, ибо дверь задрожала под ударами молотков и еще каких-то плотничьих инструментов.

«Божечка милостивый, неужто замуруют здесь, – пронеслось в голове, – неужто погубить меня хочет, медленной смерти предать».

Тяжело дыша, она кинулась к окну, глянула вниз – а там небольшой балкончик со спускающимся вниз по стене плющом. Ульяна принялась теревить задвижки, раму, надавила на стекло, но то было хорошим, толстым, не поддавалось. Метнулась назад в поисках чего потяжелее, схватила пуф и уже было размахнулась, собираясь пустить им в стекло, но за перекрестием рамы выросли две фигуры. Они были одеты как просторабочие, имели инструменты, третий держал в руках охапку тяжелых железных прутьев, которую тотчас с шумом высыпал на пол балкона.

Бесстрастно рабочие принялись за установку решетки.

Завертевшись волчком, девушка вцепилась в волосы и едва не закричала от отчаяния – насилию сдержала вопль, вот-вот готовый сорваться с губ. Надо держать себя в руках! И подошла к стеклу. Но только успела придать лицу привычное лисье выражение – плотников ведь можно просто уговорить дать маленькую фору, дверь вновь заходила ходуном, потом два поворота ключа заставили ее обернуться.

Вошел Иноземцев с чемоданчиком в руках, торопливо пересек комнату, схватил за руку пленницу. Та не успела даже понять, что происходит, как оказалась прикованной сначала одной рукой к колонне кровати, потом другой. И таким неудобным образом, что ни сесть не получалось, ни толком выпрямиться.

– Остановитесь, Ванечка, – расплакалась Ульяна, – прошу вас, умоляю. Я больше не буду, честно-честно.

Но тот невозмутимо достал из чемоданчика какую-то странную складную установку на треножке и в небольшом, с ладонь размером, лабораторном чугунке стал плавить свинец.

В немом ужасе девушка наблюдала за всеми его приготовлениями, и такое невообразимое отчаяние охватило ее, что, наверное, смотреть было жалко на перекошенное от страха личико. Роняла слезы, как ребенок, всхлипывала, причитала, молила.

Иноземцев был невозмутим. Свинец медленно таял в чугунке.

Что же он замыслил, чем пытать ее будет? Неужто, как ведьму, горячим свинцом?

– Не двигайтесь, Ульяна Владимировна, – проговорил доктор, будто перед какой-то врачебной процедурой, а не перед инквизиторской пыткой вовсе, – а не то больно будет, если раскаленный металл на кожу попадет.

Оказалось, этот мучитель замка на наручниках запаять решил, чтобы пленница, которая была мастерицей побегов, не смогла их открыть.

– Обещайте хорошо себя вести, – сказал Иноземцев назидательно, – вторую руку высвободить разрешу.

На правой руке браслет паять свинцом не стал. Но, оглядев девушку со всех сторон, бесцеремонно снял с ее взлохмаченных волос шляпку с набором заветных шпилек и всяческих крючков, расстегнул часики.

Ульяна дрожала, пока тот рвал с ее головы шпильки.

Но под юбку доктор заглядывать, конечно же, не стал. Велодог и нож остались при ней. На сердце Ульяны отлегло, и она, скосив полный ненависти взгляд на Ивана Несторовича, решила, что не все уж потеряно, раз тот слабину все же дал – даже сейчас, когда до несусветной степени вдруг таким жестоким решил сделаться.

«Эх, Иноземцев, Иноземцев, надо до конца дело делать, недотепа».

Теперь уйти от него будет задачей не столь безнадежно невыполнимой.

Так и осталась Ульяна в полусогнутом состоянии стоять у кровати, с прикованными запястьями к деревянной колонне. За окном сооружали решетку из прутьев чуть ли не в палец толщиной, дверь ходила ходуном – видимо, замки вешали, засовы всяческие.

Всю ночь она простояла в попытке высвободить хоть одно запястье. Только к утру смогла расшатать замок, тот, что не был запечатан свинцом, и правая рука оказалась на свободе. Левое запястье, увы, доктор постарался стянуть очень плотно. До крови Ульяна стерла кожу, но ничтошеньки ей сделать не удалось, не преуспела ни на йоту.

«Придется дерево пилить. Только вот чем? Ножом? Выну нож – отберет тотчас же. Эх, был хороший напильничек, теперь его нет...»

И снова расплакалась. А потом утерла слезы и, топнув ногой, закричала:

– Эй, вы меня что, голодной держать будете? Я есть хочу!

Но хоть под дверь явно ее сторожили, никто на призыв не ответил.

К полудню явился санитар, прикатил столик с завтраком. Парное молоко, булочки, варенье в вазочке. Ульяна чуть слюной не подавилась, уже и голова от голода кружиться начала. Ведь со вчерашнего дня даже стакана воды не видела. Но подлый человек в белой больничной форме оставил столик посреди комнаты и вышел, ни слова не сказав.

Девушка подождала минуту, десять, когда он вернется, чтобы исправить оплошность, ведь, поди, не заметил, что пленница была прикована и до еды не дотягивалась. Но спустя даже целый час никто так и не вернулся, и она поняла, что это новая издевка, которую придумал Иван Несторович, чтобы усугубить страдания несчастной.

А столик Ульяне ну никак было не достать. Она уж и рукой, и ногой пыталась дотянуться: каких-то двух-трех пядей не хватало. Со слезами бросила это занятие и стала во весь голос браниться, потом, устав, присела на голые доски кровати и попыталась уснуть.

К ночи дверь снова закрипела множеством разнообразных неведомых внешних замков, через порог ступила грозная фигура Иноземцева. Он чуть коснулся пальцем края столика с остывшим и заветрившимся завтраком, тот на колесиках медленно подкатил к коленям пленницы.

– Ману такой растяпа, – промолвил он. – Но они боятся вас – вы же сумасшедшая, потому близко не подходят.

Потом он вынул из кармана небольшой бутылек с трубками и каким-то механизмом, Ульяна тотчас же узнала в нем пульверизатор, купленный ею в штате Огайо. Преспокойно Иван Несторович опрыскал еду на столике.

– Что это? – одними губами спросила Ульяна.

– Мышьяк.

– Боже! Зачем?

– Долго думал, что мне с вами делать, Ульяна Владимировна, какую вы пользу могли бы человечеству принести, и решил, что буду медицинские эксперименты на вас ставить. И наблюдать. Как вы давеча в Петербурге наблюдали за мной, когда луноверином травили-с⁹.

И, развернувшись, направился к двери.

– Вы кушайте, доза не смертельная, – проговорил он на прощание. – От голода вы скорее умрете, чем от яда. А тот, быть может, еще вам службу сослужит. Небольшие дозы, принимаемые ежедневно, говорят, против мышьяковистой кислоты иммунитет даруют. Кроме того, он полезен при малокровии, невралгии. А вы вон ведь какая бледная стали, осунулись за эти два дня. Но ежели вдруг почувствуете все признаки развивающейся у себя холеры: сильные желудочные колики, рвоту с кровью, судороги, затрудненное дыхание, то сообщите мне или санитарам, которых я нанял, дабы за вами приглядывали. Мы уменьшим дозу.

---

⁹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКМО»).

Вот ведь какой негодяй, подумала Ульяна, оставшись одна. И со злости пнула столик ногой. Голодом заморить задумал. Надо выбираться, божечки мой, надо выбираться без малейшего отлагательства.

Наутро санитары явились в сопровождении доктора. Прибрались и открыли окно. Тотчас же Ульяна услышала голоса внизу и поспешила подняться, сколь наручники позволяли. Потянулась изо всех сил, аж на цыпочки привстала, поглядеть, что за шум такой, верно, ведь снова какие-то дьявольские приготовления. И не ошиблась. Прямо под балконом несколько землекопов рыли яму – прямоугольную яму, похожую на могилу. Рядом огромный надгробный камень лежал боком, а к нему неровно сколоченный ящик, подозрительно напоминавший гроб, пристроили.

В недоумении она взглянула на доктора.

Тот милостиво ответил на немой вопрос:

– Ну а что мне с вами прикажете делать, коль вдруг очокуриться изволите? Вот и местечко есть. Обещаю долго не мучить – как только замечу, что вы от мышьяка или с голоду не жилец, сразу и зарюю. Живьем. Как вы однажды чуть не зарыли меня в проклятой Бюловке своей¹⁰. Ваш револьвер, что вы на подвязке под юбкой прячете, разрешаю с собой взять. Пустите себе пулю в лоб, ежели духа хватит.

Потерянная Ульяна опустила голову. Ни на гнев, ни на мольбу сил на сей раз не осталось. Совесть вдруг стала шевелиться и расти в размерах, угрюмо рычать, подниматься с колен. Глядь, а это уже не уютная кошка клубком лежит, а страшный, лохматый медведь.

А ведь прав был доктор, может, и заслуживает она теперь чудовищной смерти, ведь какие гадости себе на забаву творила.

Да, загоняла, было дело, доктора в петлю, да, толкала в могилу, да, сама лопатой работала – комья земли швыряя в лицо. Да, безжалостно травила ядом, да и гиену свою натравливала¹¹.

Присела Ульяна на край кровати, ужаснувшись от воспоминаний, пригорюнилась.

Но вдруг надежда спастись вновь ожила – санитар перед сном забыл окно запереть. Мгновенно в голове созрел план – да еще какой! Ведь и вправду, револьверчик у нее имелся под юбкой, шестью пулями заряженный. Один выстрел в цепь на руке, остальные пять в прутья на окне, небольшой лаз смастерить – дело четверти часа, благо сильной девушкой была мадемуазель Бюлов.

Зáмок спал сном беспробудным. За дверью почивал один из сторожей, он мог проснуться от шума и, войдя в комнату, конечно же, помешать побегу. Но Ульяне было не до выбора, не до тщетных ожиданий, еще день, и она от жажды-голода помрет, и чего доброго Иноземцев ее похоронить велит под балконом.

Вынула оружие, прицелилась, выстрелила – да здравствует свобода. Кинулась к окну, распахнула ставни и в перекрестия прутьев принялась палить – одну за другой все пули выпустила и четыре перекладины пробила. Потом уперлась руками в откос, а стопами – в решетки и выгнула их, открыв пространство размером с хорошую тыкву. Оглянулась на дверь – никто, что ли, ничего не слышал? Странно даже. От страха и нетерпения казалось, когда спусковой крючок нажимала, что каждый кирпичик усадьбы, точно царь-колокол, звенел.

И не подумала ведь, что открытое окно было всего-навсего ловушкой.

Ибо, когда спустилась вниз по плющу, подошла к могиле своей – с любопытства взглянуть пришла фантазия, из-за угла выскочили две черные, как ночь, собаки, два злющих добермана с острыми ушами да зловонными пастями. И кинулись они на бедную девушку.

---

¹⁰ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

¹¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Ульяна от неожиданности чуть в могилу-то свою и не полетела, насилу удалось шаг-два назад сделать, юбки приподнять. И понеслась она быстрее ветра, да только не обратно к темнице своей, а куда-то вперед, в темноту, в надежде до забора добраться.

Звери дышали ей в спину, вот-вот нагонят. Тут кусты, она – в них. Пока собаки среди веток путались, вновь припустила бежать, но теперь к парадному крыльцу, ибо парк вокруг усадьбы был огромен и забора впотымах она бы не сыскала в такой спешке.

На ходу Ульяна рвала на себе юбки. Оставшись в одних панталонах, совсем как заправская велосипедистка, она вбежала вверх по ступенькам и, вцепившись в ручку стеклянной двери, стала ее изо всех сил дергать, взывая одновременно на помощь.

Собаки остановились у ступеней и, надрываясь лаем, готовы были броситься на свою жертву и растерзать. Но что-то им, верно, мешало. Будто демоны перед заговоренным кругом, метались они, не смея ступить на крыльцо.

Тут в холле зажегся свет. У двери в спальном халате показался Иноземцев. Он неспешно снял очки, протер стекла и надел их вновь. На лице застыла маска безразличия, ни единый мускул не дрогнул.

– Откройте, прошу вас, – молила Ульяна, рискуя оторвать заветную ручку от двери.

Иноземцев отрицательно покачал головой и ушел, точно так же медленно и безучастно. Через две минуты потух свет. А собаки продолжали заливаться, иногда подскакивая и пробуя на прочность передними лапами первую ступеньку. Потом вторую, затем начали пританцовывать, лая, и на третьей.

«Неужели съедят?» – рыдала Ульяна.

Когда лапы их оказались прямо перед стопами бедной девушки, она не выдержала и дернулась в сторону, перепрыгнула через перильца. Добежала до плюща, по которому давеча спустилась, забралась на свой балкон. Одна из собак успела схватить ее за пятку и сорвать башмачок, даже немного поранив.

– Хоть бы бешенства не заработать, – всхлипывала пленница.

Хотела остаться на воздухе, на звезды посмотреть, подышать напоследок перед смертью, ведь не выйти ей на свободу, сгинуть здесь в безвестии придется. Но зверье лаять не прекращало, аж до звона в ушах, да и замерзла – ведь середина октября. Стала внутри своей тюрьмы взбираться. А обратно лезть труднее, вилы-прутья-то наружу торчали. Вся исцарапалась, изранилась, но влезла. Только тогда собаки, будто по приказу, смолкли.

Утром Иноземцев явился – бедную девушку, всю в крови и ссадинах даже взглядом не удостоил. Ульяна, уже начинавшая не на шутку обижаться на него да себя жалеть, терпела, не сказала, что собаки ее покусали и пятка невыносимо ноет. Доктор санитарам велел подоконник от кровавых разводов вытереть, потом рабочего привел, который поврежденные прутья вынул из решетки, новые вдел.

– Познакомились с моими питомцами? – саркастически улыбнувшись одним уголком рта, осведомился он. – Одну Герочка зовут, другого – Дядюшка¹².

Ульяна подняла на врача полные боли глаза. Каким он стал, совсем другим, лицо жесткое, складочка у губ, худой и высокий, прям как Кощей Бессмертный. Что ж ты со своей царевной делаешь? Не ровен час, погубить хочешь.

Ушел, а к кровати приковывать не стал. Вновь Ульяна надежду обрела. Забегала по комнате, запрыгала, стала стены простукивать, дверь прощупывать. Но через некоторое время за стенкой какой-то странный шум раздался, и комнату сотрясло от мощных ударов, точно кто тараном работал. Через некоторое время вдруг со стены на пол штукатурка посыпалась, обои прорываться начали, а сквозь них трубки в полдюйма диаметром повылезали.

Господи боже, что это? – не поняла Ульяна.

¹² Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

Гадала она долго, пока Иноземцев не явился и все не объяснил.

– Все, – сказал он, – отмучились вы, Ульяна Владимировна. Я тут над одним новым смертельным веществом работал, да такое вдохновение было, что быстро его и изобрел. Это газ. Для умерщвления особо опасных преступников, к смертной казни приговоренных. Расстрел – все-таки дело негуманное, да и дорогое. А газовая камера – одна человек двадцать вместить способна. Прощайте. Велю вашу могилу ежедневно васильками украшать.

Дверь закрылась, а из нескольких трубок повалил газ не газ, пар не пар, дым не дым, но Ульяна от отчаяния чуть руки себе не переломала, так заламывать их стала, крича, что не хочет умирать, что ни в жизнь ни над кем больше розыгрышей устраивать не станет, уйдет в монастырь и до конца дней своих грехи будет замаливать. А газ все наполнял комнату, а ее никто не слышал, никто не явился вызволить. Стало сквозь дым этот уже ничего не видеть, взмокла она от отчаяния, волосы ко лбу прилипли, одежда – к телу. Упала на колени и стала из последних сил вслух молиться.

Тут дверь распахнулась, ядовитый туман весь мигом улетучился, на пороге опять возник Иноземцев. Он хохотал, как сам дьявол, таким смехом заливался, что сердце Ульяны в пятки ушло.

– Забавно, Ульяна Владимировна? Весело, ой весело, ведь правда? – произнес он сквозь хохот.

Тут Ульяна с криком вскочила и видит, что сидит она на диване в незнакомом купе, не в том, в который села давеча, прежде чем Иноземцев к ней со шприцем проклятым не явился. Доктор спал, обняв плечи руками и прижавшись виском к окну. От криков девушки тотчас поднялся, порывисто вскочил, к ногам ее бросился и стал прощения просить за то, что позволил себе в ярости укол луноверина применить.

Ульяна сначала ничего не поняла, почему она не в темнице, полной смертоносного газа, почему не в ошметках мокрого платья, почему лицо и руки не в царапинах. А потом разрыдалась и сквозь всхлипывания поведала Ивану Несторовичу свой страшный кошмар.

– Вы меня голодом мучили, – в завершение обиженно заявила она.

Иноземцев обнял бедную девушку и, как дитя, по голове принялся гладить.

«Ничего он не Кощей Бессмертный, не дьявол и не чудовище, прежний Иван Несторович, добрый и хороший, вместо того чтобы мстить, сам прощение просить стал. Никогда больше его не обижу, – подумала Ульяна. – Ну и приснится же!»

Глава II

Понарошку

Все бы завершилось самым что ни на есть чудеснейшим и замечательнейшим образом, но вот стал вдруг добрый молодец Иванушка, который Несторович, требовать жениться на принцессе-лягушке своей, которая Ульяна, что Владимировна.

Да ведь это совершенно невозможно было! Кто она теперь, принцесса эта? Бандитка в бегах, запятнавшая и русское имя свое, и немецкое, и даже французское. О ней и в Департаменте полиции известно, и в русском посольстве города Парижа, и в Сюрте. Мадемуазелью Боникхаузен¹³ прикрываться не выйдет, и имя-то ведь это было фальшивым. Как себе Иван Несторович представляет брак с такой особой, которая всю жизнь по липовым паспортам жила?

«Желаю, – говорит, – чтобы ты завсегда рядом была и никуда теперь не делась, а имя твое в паспорте моем записано было, и по закону я право имел запрещать тебе всяческие безрассудства».

Ульяна усмехнулась, ишь, чего захотел! А может, в воду невод закинешь, рыбку золотую для начала поймаешь, старче?

– Какой, оказывается, в вас сатрап сидит, – возмутилась она. – Я до восемнадцати лет под игом дядюшкиным жила, света белого не видела, жизнь на карту поставила, да не одну, чтобы свободы добиться, а теперь вы меня в клетку посадить намереваетесь? Да ни в жизнь! Я, может, в Техас уехать еще хочу. Уже давно мечтаю наконец ограбить поезд, или банк, или что еще, зажить на ранчо и чтобы ворота охранял самый настоящий тигр полосатый.

– Я с вами поеду, – упрямо настаивал Иноземцев.

– И что делать там будете, в пустыне среди кактусов и коровьих лепешек?

– Что в России делал, то и там делать буду. Что, разве в Америке никто не болеет? Лечить некого?

– Нет, ни за что!

А потом смотрит, Иван Несторович поник, голову опустил. Жалко Ульяне его стало.

– Не выйдет у нас ничего хорошего, – принялась Ульяна утешать, присев рядом. – Ни один батюшка не согласится освятить такой союз, как узнает, что невесту Элен Бюлов величать. А в российском посольстве меня сразу арестуют. Вы мне смерти желаете?

– Негоже всю жизнь в бегах. Надо пойти и в содеянном покаяться. Пусть меня вместо вас арестуют, я сам кругом виноват во всех ваших злоключениях, позволял бесчинствовать и открыто покрывал не единожды. Всю вину на себя возьму, сяду, а вы меня дождетесь.

Ульяна Владимировна прыснула со смеху. А потом сказала, потрепав будущего супруга по волосам:

– Какой вы глупый, Иван Несторович, с ума можно сойти. Вам замок Лессепсы подарили на берегу Луары с виноградниками, поглядите, вокруг какая красота. Франция! Воздух какой! Вы теперь свободны от ваших врачебных дел и пациентов, над вами нет никаких департаментов, больниц и заведующих, студенты больше не подкинут вам в портфель крысят. А вы сдаваться все хотите! Да уж отсидели свое у месье Чечотта на четвертом этаже, в отделении для буйных. Законно ли поступили с вами тогда господа чиновники, почему зря в желтый дом засадили?¹⁴ Так что бросьте эти мысли о добре и о справедливости. Сии понятия очень даже относительно. Нас учили, что добро одноликое, а оно разным бывает. И даже то, что мнится

---

¹³ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

¹⁴ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

обычному человеку смертельной опасностью, может на самом деле самым настоящим спасением обернуться.

Но Иван Несторович опять за свое – хочу, чтоб в паспорте Ульяна Владимировна Бюлов женой была записана, и все тут.

Какой неугомонный. Как ребенок прям.

– Хорошо, – согласилась Ульяна. – Но если жена ваша – разбойница в бегах, тогда и свадьба будет ей под стать. Я сама все организую. Вы не вмешивайтесь.

Что и говорить, решила Ульяна инсценировать бракосочетание, чтобы успокоить своего доктора, так он от нее и не отстанет ведь. Перво-наперво выкрала она у него паспорт и заказала точную копию, чтобы если уж вписывать свое распроклятое имя, так только понарошку. Теперича нужно было найти уполномоченного чиновника из России, чтобы запись эту воздухоподобную для Ивана Несторовича сделать. А кто был уполномочен в городе Париже русских в паспорта друг другу записывать? Консул, быть может, или сам посол, чтобы уж наверняка и без всяческой бумажной волокиты. Ну отправилась Ульяна к Артуру Павловичу Моренгейму, девяностолетнему старичку с пышной седой бородой. Прямо так без переодеваний, масок, грима и прочей мишуры. Поймала его одного в парке прогуливающимся близ бульвара Сен-Жермен и напрямую представилась по-русски:

– Здравствуйте, мое имя Ульяна Владимировна Бюлов. Знакомо ли оно вам?

Лицо престарелого посла перекошилось от изумления, он столбом встал, глаза квадратные, подбородок дергается, но девушка не растерялась, взяла господина посла под локоть и говорит, мол, ежели меня не выслушаете, потом жалеть будете.

А имечко энергичной барышни послу, конечно же, было известно по недавнему скандалу, в котором племянница месье инженера Эйфеля фигурировала¹⁵. Запутанное дело так ведь и не распутал господин Рачковский, глава ЗАГа¹⁶, а бывший русский исправник Делин канул в небытие, недообъяснив, отчего ему в голову взбрело двух этих барышень путать. Посол думал, что Элен Бюлов привиделась несчастному, лишенному всех чинов уездному полицейскому. Но дело о бюловском звере читать пришлось, даже раз в Петербург для того ездил. А тут на тебе – подходит к нему в парке мадемуазель Боникхаузен и на чистейшем русском представляется Ульяной Владимировной Бюлов.

Посла чуть удар не хватил.

А Ульяна ведь знала, что любая авантюра, любое дельце смелых любит. Выбрал цель – и на abordаж, иначе никак. Только раз смятение впустишь в сердце, только засомневаешься, так сразу неудача за неудачей будет сыпаться на буйну головушку. Главное, врасплох застать, ошеломить и тем время выиграть. Но Ульяне неведом был страх, она не желала даже подумать, какие наказания ждут ее за все вытворяемые фокусы, и далеко уже зашла в своих поступках вовсе не благонравных, чтобы трястись за собственную шкуру и опасением никчемным и бесполезным себе дело портить.

Взяла она Артура Павловича под локоть, и пошли они прогулочным шагом вдоль аллеи по-осеннему нарядной, в золото да багрянец одетой.

Красив Париж осенью!

Посол под цилиндром потом обливается, руки его трясутся, а девушка знай себе и рассказывает:

– Я, – говорит, – самая настоящая воровка, чужого добра расхитительница. И в ловкости мне нет равных, поймать меня ни русской полиции, ни парижской до сих пор не удалось. Но цели у меня всегда благородные, сами можете судить по газетным сенсациям, которые Элен Бюлов учиняла. Такой человек, – при этих словах Ульяна подала послу его часы золотые на

---

¹⁵ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

¹⁶ ЗАГ – Заграничная Агентура Государства.

цепочке, которые у него из-под редингота вынуть сумела, так что тот и не заметил, – скорее полезен на воле, чем за решеткой. Не хочу в бегах быть, хочу свободы. А еще... замуж хочу. Потому предлагаю сделку – Элен Бюлов вам помогать будет, если вдруг нужда такая возникнет, в ваших делах с парижской биржей, всегда – пожалуйста, обращайтесь, а вы ей свадьбу сыграть не воспретите. Ведь как ловко она обула давеча панамского афериста, как ловко муллеён у него выкрала¹⁷. Но ежели вы меня прогоните... то завтра же весь Париж будет стоять на ушах от удивительной истории Ульяны Владимировны Бюлов, она Элен Бюлов, она же мадемуазель Боникхаузен – племянница инженера Эйфеля. Позор русской полиции, французской жандармерии, русского посольства разлетится по миру песней звонкой. А ловить меня бесполезно.

И опять подала ему те же часы на цепочке, которые он вроде как в карман поглубже упрятал.

Артур Павлович до того фраппирован был, все смотрел на девушку квадратными глазами, и слова недоумения застыли на его устах. Такая дерзость кого хочешь удивила бы.

Вернулся в свой особняк посол после разговора столь странного и все думал-думал, что делать с девчушкой такой, – ведь жалко ее в арестантские камеры, да и какой скандал – ежели прознают, что русская эмигрантка, в бегах, выдавала себя за француженку, да еще за родственницу знаменитого Эйфеля. Французы погонят с улицы Гренель, господин Гирс, министр иностранных дел, таких тумачков от государя получит, таких колотушек, вся политика русско-французская рухнет, будто карточный домик, а тут еще Германия с Австро-Венгрией подкопы политические осуществляют. Не в масть такие выверты на чистую воду выводить, не в масть...

Когда в следующий раз явилась к нему барышня Бюлов, он вздохнул и спросил:

– Чего вы хотите?

Та протянула ему фальшивый паспорт Иноземцева.

– Впишите сюда мое имя женой, и все.

Когда Иван Несторович получил свой паспорт с новой записью от самого Артура Павловича Моренгейма, он аж присел, побледнев.

– Что? – развела Ульяна руками. – Вы же сами того хотели.

– Хотел... – прошептал доктор.

– Вот, получите, раз хотели. Теперь я жена ваша по закону.

Иван Несторович долго смотрел на свою супругу, а потом выдал:

– Это, надеюсь, последняя ваша выходка?

Та лишь рассмеялась, похлопав Иноземцева по плечу.

– Да, муженек, конечно, муженек, как скажешь, так и будет, муженек.

Ульяна Владимировна могла просто сама вписать свое имя от лица русского посла, Иван Несторович уж точно подмены бы не обнаружил, но был у нее иной резон с Артуром Павловичем переговоры вести. Больно Иноземцев много переживал по поводу, что жена его новоявленная в бегах, невольно Ульяну беспокойством заразил – нужно было непременно обзавестись гарантией, что трогать русские ее не будут, а во французских органах не прознают о ее бравых похождениях. Теперь, когда посла она запугала парижскими газетами, он не только ее не сдаст, да еще и другим запретит нос совать в эту неприятную историю с племянницей инженера Эйфеля. Можно преспокойно жить-поживать да добра наживать в чудесном замке посреди виноградников и ни о чем не тревожиться.

Что до Ивана Несторовича, то его бы пожалеть тоже не помешало, окружить заботой, покой душе вернуть. Он за эти несколько лет столько претерпел, столько пережил, что здоровье свое расшатал не на шутку, и сам этого, поди, не замечает. Сердце его до того чутким стало, что ни спать по-прежнему не мог, ни есть, ни работать, все ходил в напряженном ожида-

¹⁷ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

нии, шорохов пугался, темных коридоров поместья лессепсовского. Лабораторию свою с улицы Ферронри велел перевезти, в библиотеке обосновался, там и почивал прямо в кресле, за столом, на книжках, вместо подушек их употребляя. Никому не разрешал в нее заходить, три замка повесил на двери и на каждом из окон.

Решила барышня Бюлов примерную супругу попытаться изобразить, ну хоть мало-мальски, пока зима на дворе, холода и по крышам не шибко-то попрыгаешь, толстосумов не пострашаешь.

Даже поведала мужу о том, как у посла была, чтоб успокоить. Но психика Ивана Несторовича была безнадежно испорчена, он не обрадовался, не испугался, только несчастное лицо сделал и снова склонился к своим пробиркам. Ульяне Владимировне и не по себе как-то стало, заскребли в душе кошки, почувствовала себя до того виноватой перед бедным доктором, что аж впервые в жизни чуть не разревелась. Но понимала Ульяна отдаленными участками своего подсознания, были эти слезы, что у дитяти, который игрушку свою безбожно об пол брякал, по углам швырял, потом увидел, что сломана любимая вещь, а починить уже нельзя. Измучила человека, а теперь хочет, чтобы он смотрел на нее по-прежнему, влюбленно, как тогда, в Бюловке, но в глазах Ивана Несторовича застыли лишь страх да тревога.

Все пытался забыть среди книжек своих, колбочек, клеток с морскими свинками да кроликами, которых развел штук десять. Потом на заднем дворе и собак начал держать. Уж не знала Ульяна зачем. Может, ожесточилось сердце его, может, опять задумал научные эксперименты – все какими-то веществами опаивал животных, а те болели и дохли.

Мало того, еще вдруг вздумалось вспомнить ему о луноверине проклятом, который Ульяна вместе с тем немцем из барменской компании «Фабен АГ» хотела на поток поставить.

– Будьте любезны, Ульяна Владимировна, – как-то сказал Иноземцев, – мне адрес дать этого господина из предместий Лондона, он учителем вроде работал.

Ульяна вся сжалась, голову опустила, пальчиками ротик прикрыла, лихорадочно соображая, что ответить мужу, который, не ровен час, в Англию собрался. Хотела отмахнуться, но не вышло, супруг пристал, как репейник, пришлось сказать, что первое на ум пришло:

– Мистер Райт умер в позапрошлом году, летом, – соврала она, ибо на самом деле был тот живехонек и продолжал свои научные изыскания, но только теперь увлекся китайским фейерверком.

Иван Несторович отчего-то вдруг так взъярился.

– Как? – вскричал он и принялся грозно вышагивать по ковру холла, где супруги проводили тихие зимние вечера. – Стало быть, умер все-таки, погубил его луноверин.

– Дидаурицин¹⁸, – поправила Ульяна и осеклась.

До того не хотелось рассказывать, каким манером на самом деле она участвовала в экспериментах английского химика, в коих вовсе и не участвовала.

А дело было так. Узнав о свойствах луноверина, заметив его весьма странное влияние на Ивана Несторовича, который чуть с катушек не слетел, когда весь его выпил, всю бутылочку из-под хлороформа до последней капли, решила Ульяна найти человека, который бы помог ей разобраться со странным лекарством. Занесло ее в Англию, довелось с мистером Райтом познакомиться, а тот, как оказалось, давно над ацетилированием работал, причем ацетилировал много разных веществ, в том числе и даурицин. Он не придал значения изобретенному лекарству.

Уж с десяток лет минуло, а патента на него никто не додумался оформить. Жаль такую возможность упускать! Потому Ульяна и хотела взять в оборот новое чудодейственное веще-

---

¹⁸ Луноверин, дидаурицин и другие лекарственные препараты, названия которых придуманы самим автором (прим. редактора).

ство. Прежде чем бежать из Петербурга и в небо запустить аэростат господина Менделеева¹⁹, отдала Ульяна несколько месяцев работе в аптеке Обуховской больницы.

Там и раскрыла в себе дар алхимика. А позже загорелась идеей открыть собственную фармацевтическую фирму.

Тотчас же и компаньон отыскался ей под стать – с тягой к авантюрам. То был юный студент Мюнхенского университета, по окончании учебы он только-только поступил на службу в исследовательскую лабораторию фирмы «Фабен». Ульяна поспешила показать Феликсу Нойманну, как из даурицина луноверин получить, поведала, каким тот свойством волшебным обладает, как легко и просто из обычного человека кого угодно героем делает, ни дать ни взять Ахиллом.

Но запустить линию «ахиллинин» им помешал Делин, напал на след Ульяны и едва не натравил на нее всю барменскую полицию. Так и расстались Ульяна с Нойманном, она – едва унесла ноги, он – отделался легким испугом и попорченной репутацией связью с русской аферисткой. Однако чтобы сохранить место в фармацевтической конторе, показал луноверин управляющим, выдав за свои собственные разработки, а те, сочтя изобретение студента гениальным, оформили патент на компанию, а студенту пожаловали одну из ведущих должностей.

Элен Бюлов при этом осталась с носом.

Разумеется, сказать сразу она не решилась бедному доктору, что такое изобретение до него уже сделали, расстроился бы он тогда, хоть и было лекарство сие не совсем полезным. Поэтому пришлось другую историю сочинить, сказочную, фееричную и Элен Бюлов выставляющую победительницей. Единственно, к чему она причастна осталась, так это к названию.

Нойманн назвал вещество ахиллинином. В честь древнегреческого героя Ахилла.

С предателем и обманщиком этим Ульяна позже пыталась, конечно, вести переговоры в надежде оспорить патент, уже думала к угрозам прибегнуть, пугала, мол, всю правду расскажет, ведь не по совести поступил, взял чужой рецепт и за свой выдал. Но как теперь докажешь это, ежели сама обманом рецептом завладела? Ульяна и так и эдак вилась вокруг Нойманна, чтобы с панталыку его сбить и как-нибудь переоформить рецепт на себя, но не вышло.

Теперь права безнадежно потеряны, а фармацевтическая компания готовилась выпустить «зверя» из клетки, похоже, не подозревая, что это вовсе не белый пудель, а голодный лев или тигр.

– Дидаурицин, ахиллинин... – Иноземцев задумчиво почесал затылок. – Все равно, как его величали. Раз господина Райта нет в живых, тогда придется мне в Бармен ехать.

Поняла Ульяна, во что влипла, сболтнув однажды Иноземцеву, чтоб огорошить да нервы пощекотать, о проклятом луноверине, теперь придется отвечать за все это.

– погоди, Ванечка, – взмолилась она, принявшись ломать руки, – может, фабенские ученые за столько лет твой луноверин доработали, может, у них и вышло лекарство от кашля.

– Не может быть луноверин безопасным лекарством хоть от кашля, хоть от поноса, хоть от золотухи, – вспылил Иван Несторович. – Кашель он лечит, не спорю, но ведь все остальные органы убивает. И печень, и почки, и мозг, а вместе с ним слух, нервную систему, зрение... Я чуть было совсем слепым не остался тогда!

Схватив за руку супругу, он потащил ее в свою лабораторию.

– Погляди, – ткнул пальцем в клетки с морскими свинками и кроликами, – видишь, как выглядят эти несчастные грызуны? Я уже месяц им твой дидаурицин колю, они все медленной смертью погибают.

– Живодер, – буркнула Ульяна. – Вот и не стыдно тебе над бедными зверюшками измываться?

¹⁹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

На что Иван Несторович позеленел, сжав кулаки. Ну ясно, что сейчас начнет говорить, припомнит докторов бюловских, месье Рейнаха и прочих, кто сам себя в могилу загнал по причине своей же жадности, глупости и подлости. А эти бедные зверьки? Они-то чего плохого сделали, что он их луноверином травит?

Иноземцев, перетерпев бурю негодования, что Ульянка на него вылила, дабы тот, сбитый с толку, оставил мысль о Бармене, выдохнул и спокойно ответил:

– Не попадет ахиллинин на прилавки аптек, даю слово.

– И как же теперь сему воспрепятствовать?

– Я докажу, что он вреден. Докажу, что гораздо раньше его изобрел, у меня в дневниках все записи имеются. Только дневник в Охранном отделении Петербурга находится, пришит к делу о бюловском звере. Поеду, заберу его. А потом и в «Фабен». Там люди здравомыслящие работают, чай, не Бюловка какая-то, а Европа. Они все поймут.

Ульяна аж за голову схватилась. В Петербург надумал ехать? Да с паспортом, в котором она – Ульяна Владимировна Бюлов его женой прописана. С ума сошел!

Ой беда, беда.

Ежели не послушается сейчас, глупых идей не выбросит из головы, ведь арестуют за паспорт фальшивый, за роспись от посла парижского, за причастность к преступлениям жены. Посадят и не выпустят, пока не явится Ульяна Владимировна с повинной.

Надо хоть успеть паспорт на настоящий сменить. Вот тебе и женитьба понарошку. Остается только молиться, чтобы по рассеянности своей, забывчивости и мечтательности Иван Несторович не раскрыл документа и не заметил, что Элен Бюлов снова из его жизни испарилась вместе с росчерком пера российского посла, точно видение, точно и не было ее вовсе.

Глава III

Ангелы доктора Иноземцева

Уехал Иван Несторович в столичный город Петербург. А Ульяна Владимировна в Берри осталась – одна, да с нею бывший управляющий, старенький месье Ману и его супруга мадам Ману, что за замком смотрели еще при Лессепсах. За окном завывали декабрьские метели, шел снег, нагоняя тоску на сердце. И до того страшно стало девушке за жизнь супруга, до того беспокоило, что от безысходности она взяла да отправила телеграмму товарищу по прошлому приключению, внуку египетского магната Ромэну Лессепсу. Была у парочки тайная договоренность – в беде друг друга не бросать.

Юноша примчался вечерним поездом, рыдал, что со скуки умирает, что после таких сумасшедших авантюр, случившихся в Париже этой осенью, жизнь стала казаться серой и унылой, хоть вешайся. И по доктору скучал, ведь до того весело было над ним нет-нет да подшучивать, до того он рассеян и впечатлителен.

– Именно его-то и спасать надо, – сказала Ульяна. – Не ровен час, дров наломает, в беду попадет.

Поведала она юноше смышленому о том, как бывает несправедлива жизнь: два ученых делают одно открытие, да еще в разных частях земного шара, а слава достается тому, кто суетливей оказался, кто заветным патентом обзавестись поспел. Так случилось и с доктором Иноземцевым. Поведала о лекарстве, которое тот открыл, и о том рассказала, сколько бед случилось от онога лекарства, объяснила, отчего доктор этот такой всегда угрюмый и несчастный ходит.

– Вот оно что! – Лессепс внимательно выслушал Ульяну. – Теперь понятно, почему тогда месье Иноземцев на меня так сердит был за пристрастие к химии. Хм, весьма неожиданно.

– Тебя-то он отучил бомбами заниматься, а сам ума не нажил – теперь хочет оспорить патент.

– Никогда бы не подумал, что столь мрачной личности недостает славы.

– О нет, не ради славы, – отмахнулась Ульяна. – Он боится собственного изобретения как огня и хочет его уничтожить, прежде чем оно попадет к людям. Но в Петербурге его погонят сразу вон – сначала обсмеют, а затем погонят. А как узнают, что он затеял судебную тяжбу с немецкими фармацевтами, еще и арестуют. От русских полицейских чиновников чего угодно можно ожидать. Скажу больше, для них имя Иноземцева, аки красная тряпка для стада быков. Ему только шаг ступить через порог охраны достаточно, чтобы тотчас вызвать массу подозрений.

Тут неожиданно постучался месье Ману и возвестил о приезде гостя.

– Месье Эмиль Герши, – проговорил управляющий. – Что доложить?

Ульяна и Ромэн замерли в немом ужасе, вперившись друг в друга и друг у друга словно спрашивая: что же делать? Один не хотел, чтобы злополучного внука панамского акционера у молодой жены русского доктора застали, ведь неудобно бы было перед доктором, другая – чтобы в мадемуазель Боникхаузен эту самую жену русского доктора узнали. Ведь Герши все еще считал, что это две разные женщины!

Куда податься? Ведь глупый Ману уже оповестил неутомного адвоката о том, что Иноземцев в отъезде, а супруга одна.

Хаживал месье Герши к Иноземцеву не единожды разные случаи в судебной своей практике разбирать, да и так просто, от нечего, видать, делать, а может, привязался, душой прикипел к русскому ученому. Но Ульяне Владимировне всегда удавалось на глаза ему не попадаться. Бог миловал. Хоть адвокатишка все выпытывал, отчего, мол, с супругой молодой не

познакомите? Откуда она? Кто такая? Иноземцев отвечал, что прибыла из Петербурга, и на том разговор завершал.

Тут, конечно же, Ульяне на ум пришла замечательная мысль. А ведь ежели Ромэн здесь, так почему его невесте не быть с ним рядом? Тоже в гости захотелось к русскому доктору, спасителю, между прочим. Навестить оба прибыли, чего тут удивительного?

– Веди его сюда, – кинула Ульяна Ману, а сама сбегала за шляпкой, шубкой и зонтиком, быстро под изумленным взглядом Ромэна оделась, щеки натерла, будто с мороза, зонтик водой из графина сбрызнула и рядом встала. А предку знаменитого Генриха Четвертого ничего объяснить не потребовалось, все вмиг понял, под локоть «невесту» взял, и встали оба у окна, в ожидании адвоката.

Адвокат вошел, смущенно тотчас же потупившись.

– И вы здесь, мадемуазель Боникхаузен? – склонился он в неловком поклоне. – А где же супруга месье Иноземцева? Мне сказали, мадам Иноземцева меня сегодня сама примет.

Ульяна сделала несчастное лицо и бросилась адвокату на шею, в то время как Ромэн махнул рукой управляющему, дабы тот скрылся с глаз долой и чего лишнего не ляпнул.

– Стучилось неожиданное несчастье, – прорыдала Ульяна. – Только что мы проводили мадам Иноземцеву наверх, она приняла успокоительных капель и, быть может, наконец уснет спокойным сном. Так измучилась, бедняжка.

– Что же... такое... могло произойти? – адвокат был до того шокирован, что едва языком ворочать стал. Смотрел то на Ромэна, то на Ульяну и хлопал глазами.

Поведала Ульяна Владимировна и месье Герши об изысканиях Ивана Несторовича: об опытах, об открытии, о том, что, увы, не он один открытие сие совершил, и что патент ему никогда не заполучить, и что в Петербурге его ждет арест за попытку выкрасть собственные дневники, у него давным-давно полицейскими чиновниками изъяты.

Адвокат слушал, бледнея и краснея, теребя свои вечно взъерошенные, как у барашка, волосы.

– Да, все верно, – пробормотал он, – у месье Иноземцева нет никаких шансов оспорить патент, коли тот выписан на другое имя да столь давно. Случай рядовой, и тяжб подобных ныне в связи с возросшим количеством патентных ведомств тоже немало.

– Быть может, мы его нагнать успеем? – взмолилась Ульяна, хватая адвоката за рукав. – Поспешим на вокзал, возьмем билеты на скорый поезд... догоним... а вы ему все объясните, вас ведь он послушает, своего друга, адвоката с успешной судебной практикой, человека умного и сведущего.

Похвала заставила того зардеться. Да и характером Герши был мягким и отзывчивым, запыхтел, заохал, котелок в руках весь искомкал.

– На скорый поезд?.. В Петербург?.. В самый Петербург?.. Конечно, мадемуазель Боникхаузен, надо помочь месье Иноземцеву. Я сейчас как раз свободен на пару дней.

– Не будем терять ни минуты, – театрально указав куда-то вперед, в неведомые дали, проговорил Ромэн и почти вытолкнул адвоката за дверь, за спиной его весело подмигнув лже-невесте. Все существо юного авантюриста было устремлено навстречу грядущим приключениям. А теперь ведь и в России побывает, никогда в сих загадочных краях не был прежде, вот неожиданная удача, вот повезло-то, и скуки-тоски как не бывало.

Но на Восточном вокзале, откуда отбывал поезд Трансъевропейского экспресса, Ульяну Владимировну ожидал сюрприз – съехавший набекрень котелок и рыжие усы Делина. Несчастный бывший исправник потерял в погоне за неуловимой проказницей Бюлов все, чем жил и что имел, и ныне, точно беспризорный пес, не находил себе места, не решаясь ни Ульяну сдать закону, ни вернуться в Петербург. Он не знал, чем закончились приключения доктора и внука Лессепса, не знал и того, в какую дыру сиганула лжеплемянница Эйфеля. Чем он был занят все это время – один Бог ведал. Девушка полагала, что вернулся в Россию. Но Делин, как самый

завзятый игрок, не мог уйти без победы, даже если просадил в карты все свои деньги и маялся в надежде, что кто-то обронит фишку, дабы снова сесть за стол и отыгаться.

Нужно было попасть в вагон незамеченной. Ульяна натянула шляпку с вуалькой чуть ли не до самого подбородка. Но оставались ведь Лессепс и Герши, которых бывший исправник хорошо знает и не пропустил бы мимо, не возжелав задать пару животрепещущих вопросов. Девушка потянула Ромэна за рукав и велела поторопиться.

– Опустит голову и прекрати махать тростью, – прошипела она. – Объясню в купе.

До купе добрались, слава господи, не натолкнувшись на исправника. Бухнулись на бархатные диваны, издав эмоциональное французское «оля-ля» и расхохотавшись под недоуменным, но снисходительным взором адвоката. Ульяна прильнула к окну и, энергично протерев перчаткой стекло от испарины, выглянула наружу. Под вуалькой ее лица не разглядеть, зато сама она отлично весь перрон обозревала, не мелькнет ли снова в толпе котелок проклятый, делинский.

– Ушли, кажется. Ох до чего он пристаучий, Кирилл Маркович-то. Я, право, притомилась бегать от него. Уж декабрь к концу подходит, а он все никак не уедет обратно.

Однако едва явился и ушел контролер, дверь купе снова отъехала в сторону и на пороге показался исправник. Он широко улыбнулся, дернув гусарскими усами, будто на руках была пара тузов, не меньше, и методично задвинул щеколду.

– Ну что, – проронил он хрипловатым пропитым голосом и отер красный с мороза нос. – Удрать думали, голубки?

Адвокат побелел и потянулся в карман за носовым платком – в купе тотчас же повисло тяжелое винное амбре, ибо Делин крепко злоупотреблял парижским порто. На мгновение воцарилась мрачная тишина, все смотрели друг на друга с напряженным ожиданием. Герши постукивал зубами под белоснежным батистовым платком. Тут Ромэн не выдержал и вскочил, с гневным выражением лица вскинув руку с револьвером, наставив дуло на исправника. Делин ответил тем же: выпростал свой пистолет, но с медлительным и надменным спокойствием, мол, куда вы денетесь, сударь.

– Тише, тише, господа, – воскликнула Ульяна, приподнявшись и не сдержав улыбки. – Спрячьте оружие! Ивану Несторовичу мы нужны живыми.

– Вижу, вы, египетский принц, живы-здоровы. О вас молва идет по всему городу Парижу, – прошипел исправник. А потом как гаркнет во все горло: – Да только я ничегошеньки не понимаю в вашем сюси-муси языке! Ни в посольстве узнать, ни у филеров русских. Ни перед кем показаться не могу! После того как побывал в доме у покойного барона Рейнаха²⁰, чтоб его все духи ада забрали.

– Очень даже напрасно, – проворковала Ульяна. – Напрасно, говорю, боитесь. О вашем посещении в доме барона не знает ни одна живая душа, как и о посещении Ивана Несторовича.

– Ой врешь, подлая ты бюловская...

– Не смей говорить дур-рно о моя невеста, сударь, – воскликнул Ромэн, уже довольно хорошо освоивший русский.

Пытливый юноша, едва узнав, что девушка из России, тотчас же попросил ее стать для него учительницей русского языка, поведать о русских традициях и истории. До того ему полюбилась Элен Бюлов с ее эксцентричной философией и манерой себя подать, что мнилось Ромэну, в России этой самой все люди такие. В сущности, он не ошибался.

Самым большим козырем Ульяны был знаменитый русский «авось». И именно этот волшебный «авось» помогал ей попадать, а потом с блеском выпутываться из самых щекотливых ситуаций.

Лицо Делина дернулось в удивленной гримасе.

²⁰ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Тайна “Железной дамы”» (Издательство «ЭКСМО»).

– Так вы по-русски понимаете, ваше высочество?

– Да, и недурно, – с достоинством ответил Лессепс и добавил словоерик: – «-с».

– Ну тогда я отсюда не уйду, пока вы мне все доподлинно не расскажете, что с бароном произошло.

– Он умереть. От апоплексия. Р-разве месье Иноземцев не сказать вам этого?

– Кирилл Маркович, – Ульяна улыбнулась, вынула из муфты затянутую в атлас руку и положила ее поверх руки исправника, принуждая опустить пистолет. – Я вам ведь обо всем доподлинно рассказывала уже, ну сколько можно? А вы мне все не верите. Барон был нехорошим человеком, это истинная правда. Он понес заслуженную кару. А вот Иван Несторович оказался куда благородней и отважней вас. Он остался и спас Ромэна.

– За что ему дарить мой дэдушка замок в Бэрри, – закончил юноша, и по физиономии его было видно, что он приложил немало усилий, чтобы, как дитя, не показать Делину язык.

– Да ну? – Кирилл Маркович от изумления опустил пистолет. – Замок? Иноземцеву? И он сейчас в нем преспокойно поживает и добра наживает. Так, что ли?

– Именно так он и пр-роисходить, – ответил Ромэн.

– Произошло, – поправила Ульяна. – Без он. Именно так все и произошло.

– О, вер-рно, – просиял Лессепс, приводя Делина в бешенство своей лучезарной великосветской улыбкой.

– Вот дьявол! – воскликнул исправник, отчаянным взором обведя купе. – А я все это время перебивался, как мог, крохи на билет до Петербурга копил. – А ему, значит, французское поместье жаловали?

– Не завидуйте ему, Кирилл Маркович, – Ульяна взяла исправника под руку и усадила рядом. Тот обессиленно повиновался. – Несчастный человек Иван Несторович. Никакие замки ему не нужны. Он, между прочим, уже дважды пытался его месье Лессепсу вернуть.

– Да, да, так оно и есть, – поддакнул Ромэн, глядя на Ульяну.

Та чуть заметно кивнула, мол, правильно сказал, молодец, без ошибок.

И родилась в голове мадемуазель Боникхаузен фантазия – Делина с собой позвать. Тот весьма полезным может оказаться в столице государства российского. Если не удастся отговорить Иноземцева вернуться, тогда хоть, возможно, бывший чиновник дневник его раздобыть подсобит. Самому доктору нипочем документ не вернут, сколько ни проси, а вот Делин знает, какие крючки к дверям-то в Архиве Полицейского Управления подобрать. Авось получится.

Достав платок, приняв вид убитой горем, выражение лица надев самое жалостливое да заговорив тоном безутешным, Ульяна поведала исправнику о намерениях доктора судиться с компанией «Фабен».

– Вот что он за человек-то такой, – ответил на это исправник. – Чего ему на месте не сидится? Правильно его жизнь помотала. Не был бы таким недотепой, жил был себе спокойно. Плохо кончит ваш Иван Несторович. Уж больно на это нарывается.

– Ну зачем вы так? – всхлипнула девушка. – Доброе у него сердце, оно ему покоя не дает. Он ведь всегда из благих побуждений в переделки попадает.

– А вы ему, Ульяна Владимировна, завсегда в этом рады помочь. В очередную переделку вляпаться. Зачем вам дневник из охранки доставать понадобилось? Ничего не стряется, откажут ему, на этом все и закончится. Вернется назад в Париж, или где ему там замок-то жаловали.

Ульяна спрятала лицо в платке.

– Он возмущаться начнет, вы же знаете его, Кирилл Маркович, – рыдала девушка. – А тут еще про меня какая-нибудь оказия вылезет, или он оговорится в сердцах. Нельзя ему в охранку, Кирилл Маркович. Арестую-ют.

– Хитрая вы, мадемуазель Бюлов, как лиса. Что за интерес вам до всего этого, понять не могу. Ладно, так уж и быть. На Николаевском вокзале свидимся, у касс. Но только я сам с Иноземцевым говорить буду. Уж лучше вам ему на глаза не попадаться. Такое у меня условие.

Адвокат, все это время не проронивший ни слова, всеми позабытый, переводил изумленный взгляд то с лица Ульяны на Ромэна, то с Ромэна на Делина и по обыкновению своему хлопал глазами. Только сейчас девушка вспомнила, как глупо получилось, сама себя подставила, принявшись стрекотать по-русски, что сорока настоящая.

Но Герши сделал восхищенный жест и проронил:

– Потрясающе, мадемуазель Боникхаузен! Прошу простить меня, месье Лессепс, но ваша невеста превзошла вас во много раз – ее произношение звучало чище, чем звон хрустала. Не знал, что месье Иноземцев дает уроки русского языка. По приезде тоже попрошу его научить меня паре-тройке фраз. Как интересно! Столько букв в словах, столько твердости в звуках! Это язык энергичных, властных, но в то же время легких и беспечных, в хорошем смысле, людей! Интересный язык. Я очень интересуюсь... одной особой. Она русская. Но доктор отмалчивается на ее счет. Это такая удача, что я могу посетить Петербург, а быть может, и побывать в полицейских органах. Вы ведь намереваетесь отправиться туда? Я верно понял? Это, несомненно, божественный знак, такой шанс выпадает не каждый день. Я смогу наконец что-нибудь разузнать о коварной инспириаторше Элен Бюлов.

Краска сошла на один миг с лиц Ульяны и Ромэна, но они как один тотчас же поспешили скривить подобие улыбок. Делин, услышав имя, которое было бичом всей его жизни, приподнял бровь. А потом почему-то махнул рукой и вышел.

– Месье Делин очень вспыльчив, – заметил адвокат, глядя на то, как Ромэн прячет револьвер обратно в карман. – Верно, испытывает неудобство в отсутствие своего врача?

– Да вы мастер делать неверные выводы. Находка для любого афериста, – пробормотала Ульяна по-русски, многозначительно переглянувшись с Лессепсом.

– Что-что вы говорите? – приподнял брови адвокат. – Ведь я не понимаю.

– Не обращайтесь внимания, месье Герши, – ответила она, но уже по-французски. – Дурацкая привычка! Чтобы хорошо выучить язык, нужно мысленно переводить на него все, что думаешь. Я иногда не замечаю, как делаю это вслух.

Глава IV

Есть ли у вас план, мадемуазель Бюлов?

Петербург стоял, как рождественская сказка, одетый в снежную шубу, кружева инея да хрусталь сосуллек накиннув, что вуаль. Введенский канал давно покрылся толстым льдом, в морозном воздухе искрились редкие снежинки, играя разноцветными бликами в свете уже зажженных фонарей. Но светло было без того – снег замел все вокруг, оставив лишь редкие черные штрихи: ветки голых дубов, чугунное литье заборов. Окна в домах светились загадочными оранжево-желтыми прямоугольниками, от них веяло теплом и уютом.

Обернувшись в тулуп и опустив картуз по самые глаза, Ульяна вертелась вокруг своей оси, точно волчок, и втаптывала пятками валенок снег, в такт хлопая варежками. Точно так же одетый Ромэн составлял пару в ее магическом зимнем танце. Непривычно холодно было египетскому принцу на земле русской, озяб до костей, позабыл даже на некоторое время, какие приключения поджидают его под толщей снега и льда, все мысли о горячем пунше были и о камине с потрескивающими еловыми бревнами в языках огня. А тем не менее уже почти час они ожидали, когда Делин вернется от госпожи Шуберт.

Иноземцев остановился в своей старой квартире, прекрасно понимая, верно, что за час-другой ему с поставленной задачей не справиться. Но невзирая на полное понимание сложности задуманного предприятия, он не собирался от него отказываться. В чем с горечью и отчаянием пришлось убедиться адвокату, который настиг его в день приезда едва не у порога дома номер тринадцать.

Ульяне и Ромэну так и не удалось узнать, чем именно закончился долгий разговор Герши с доктором, но тот оговоренным заранее знаком из окна дал понять, что первый залп мимо, готовьте пушку помощнее.

Одевшись незаметным манером, как два дворовых мальчишки, устроившись на перекладинах ограды Александровского моста, Ульяна и Ромэн поджидали бывшего исправника. Тот у касс дал слово сегодня же вечером навестить доктора и применить в разговоре с ним всю свою недюжинную силу, все свое чиновничье мастерство влиять на умы, чтобы восвосяси, во французскую сторону отправить. И обещание свое сдержал – через четверть часа, как Герши показался в окне комнаты Иноземцева со скрещенными руками, в конце моста раздались тяжелые шаги исправника. Он прошагал мимо двух озябших мальчишек и исчез в тумане по направлению к Царскосельскому вокзалу.

Ульяна проводила того удручающим взглядом, прекратила вытаптывать узоры на снегу и со вздохом вновь уселась на ограду моста.

– Сдается мне, у него тоже ничего не выйдет, – произнесла она, еще раз отчаянно вздохнув.

– П-почему н-не выйдет? – От холода Ромэн еле ворочал губами.

– Интуиция! – многозначительно ответила девушка. – Надо решать, как дневник из Архива доставать будем...

Вдруг она спрыгнула на снег и принялась вновь вышагивать туда-сюда, очевидно, что-то замысливши. Ромэн насторожился и в ожидании даже перестал дрожать от холода, следил за ее торопливо-встревоженными шагами, точно за маятником гипнотизера.

– Что я сама себе признаться-то боюсь, трусиха, для этого мы здесь! – бормотала она. – Нужно... Нужно придумать что-то эдакое... что-то грандиозное, умопомрачительное, фееричное, эффектное, сногшибательное и, конечно же, оригинальное, чтобы нас надолго здесь запомнили... Какое сегодня число?

– 6 декабря.

– Это у вас 6-е. А у нас... раз, два, три... У нас уже 19-е! Близится Сочельник – время волшебства и чудесных метаморфоз, время, когда голуби из рукава придутся к месту. Ох, как же хочется веселья и забав! Будут, будут забавы, чует мое сердце, в голове крутится план... Где же этот Делин проклятый, что-то назад не идет.

– Может, стоит с-с-ходить к ок-кнам?

– Нет, будем ждать здесь. У Кирилла Марковича разговор короткий.

– Как бы он не причинил вреда месье Иноземцеву. А то ведь эмоции его порой хлещут через край.

– И поделом, нечего было в такой холод сюда ехать. Хоть бы Кирилл Маркович тумачков Иноземцеву надавал крепких, как это свойственно Кириллу Марковичу, чтоб на землю его спустить.

– Ужас, какая ты, Элен... бессердечная! – тихо рассмеялся юноша.

– Очень, Ромэн, стараюсь, изо всех сил, изо всей моченьки, по краю, можно сказать, хожу, чтобы бессердечие свое сохранить. – Ульяна вдруг замолчала, насторожившись. С другого конца моста донесся хруст снега под грузными шагами – в морозном воздухе, среди ночной тиши они звучали отчетливо, как молот по наковальне. – Смотри, идет! Идет обратно.

Действительно, в бледно-желтом свете фонарей показалась черная фигура с котелком на голове. Делин шел обратно быстрее и решительнее, нервно вышагивая и, похоже даже, бубня себе под нос ругательства.

Ульяна сорвалась с места и бросилась ему под ноги, едва не сбив.

– Колядки, колядки, открывай ворота, отворяй сундучки, дай конфет и пирожки! – взвизгнула она.

– Тьфу ты, – шарахнулся в сторону Делин. – Поди прочь, мелюзга. До Сочельника еще добрая неделя, если не больше.

– Ну, удалось вам его убедить? – Девушка стянула с головы картуз.

– Черт бы вас побрал, Ульяна Владимировна! Меня чуть Кондратий не хватил.

– О, пора привыкнуть. Ну, так что Иван Несторович-то?

– Ничего. Уперся, как баран, и ни в какую. Его Герши увещевал, все по полочкам ему разложил, на пальцах что-то показывал, мол, гиблое дело вы, месье, задумали. Тот руки на груди скрестил, брови нахмурил, губы поджал и, похоже, даже не слушал, просто, как каменное изваяние, сидел, очками грозно посверкивая. А когда узнал, что вы с Ромэном нас надоумили за ним в Россию ехать, так еще мрачнее сделался. Говорит, жизнь и безопасность человечества на кону, потому игры в сторону. Так им, говорит, и передайте. Пусть не мешаются.

– Стало быть, он знает, что мы с Ромэном здесь? – ужаснулась девушка.

– Нет, мы же условились молчать об этом. Я свое слово привык держать в отличие от вашего, Ульяна Владимировна.

– Это хорошо, – с искренним воодушевлением ответила Ульяна, даже приобняв за локоть бывшего исправника. – Это очень хорошо, что вы такой честный, иначе что ж на землематушке творилось бы, если б совсем не было честных и благородных людей вроде вас. А что Герши? Колобок наш не проговорился?

– Вроде нет. Не знаю, – отмахнулся бывший исправник. – Иван Несторович не все переводить изволит. Чувствую, что он только то, что ему на руку, мне пересказывает. Хитрец экий. Они с Герши у госпожи Шуберт останутся, вместе в Бармен поедут. Может, оставить их в покое? Адвокат смышлен, дело свое знает.

– Ничегошеньки он не смышлен. Он же за Элен Бюлов тоже гоняется, аки борзая за лисой, но несколько дней в одном купе с ней ехал и ни разу не признал коварную преступницу. Такой же олух царя небесного, прости Господи. Оба они друг друга стоят. Попадут в переделку, неужели вы этого не понимаете?

– А мне с того какая печаль? – Делина не очень-то порадовала аллегория с царем небесным и борзыми.

Он, конечно, в глубинах души и за собой признавал склонность к откровенному идиотизму, не будет же нормальный человек так одержим погоней, но слышать о сем малоутешительном откровении из уст той, которая ему столько раз рожек наставила, было неприятно. И даже обидно чуть ли не до слез. Ну вот почему у одного на руках то тузы, то бубновый ряд, а другому – сплошь мелочь всякая!

– И вы позволите ему пойти в охранку? – всхлипнула девушка.

Кирилл Маркович как-то сник, сконфузился, по лицу пробежало мрачное облачко.

– Я обещал ему дневник его достать.

– Обещали? Вы?

– Да, говорю, сейчас перед праздниками беготня в Управлении, а на Святки покойней будет. Просил обождать неделю.

– Да вы просто спасли нас! Неделю! Ты слышишь, Ромэн? У нас целая неделя.

– П-пять дней, – поправил француз, отчаянно стуча зубами, пританцовывая и хлопая по ушам рукавичками.

– К кому он собирается обратиться? У вас есть кто на примете?

– Да из всей команды, что за бюловским зверем гонялись, один начальник отделения по охране безопасности и порядка, Георгий Аркадьевич, остался. Вот к нему Иноземцев и собирается идти.

– Этот человек знает, где дневник?

– Знать-то знает, да достать его уж точно не возьмется. Архив Полицейского Управления совсем в другом месте находится. Екатерининский канал, дом сто три.

– От Гороховой два шага.

– И там свой начальник имеется.

– Да что ж вы кругами ходите! Его имя?

– Семен Петрович, фамилию не припомню... кажется, Михайлов или Михайловский. Дважды его видел, когда вас выслеживали. Надворного советника ему дали как раз.

– Надворного? Мои поздравления. Как он выглядит? Высок ли? Сколько лет? Семью имеет? – допытывалась Ульяна, едва ль не за грудки схватив бывшего исправника.

Делин, прекрасно понимая, что такому напору сопротивляться нет смысла, да любопытно было, что девчонка замышляет, продолжал отвечать, хоть и с неохотой.

– Среднего росту будет, блондин с проседью, сорока, быть может, лет.

Ульяна бросила быстрый оценивающий взгляд на Ромэна.

– Он сойдет?

Делин ответил, ни минуты не задумавшись, немало чем поразив Ульяну.

– Сойдет. Ежели под мундир одежды побольше надеть. В теле Семен Петрович. Вы уж больно легкая да воздушная и росту небольшого. А принц египетский как раз будет.

– А вы, Кирилл Маркович, сообразительны, – усмехнулась девушка, с озорством подмигнув. Но тотчас изменившись в лице, нацепив маску вселенской сосредоточенности, заявила: – Мы попадем в Архив. Но к завтрашнему дню мне нужно знать об этом человеке все! О семье, где живет, чем живет, кто кому родственником приходится, о слабостях и прочие мелочи. Чем их больше будет... этих самых мелочей да тонкостей, тем проще нам будет сыграть свои роли.

– Какие роли? – сузив глаза до тонких щелочек, спросил Делин.

И ведь ни воспрепятствовать не мог, и участие принять и охотно было, и боязно. Все, чем жил он, пожертвовал, чтобы изловить эту маленькую бестию. Словно мотылька, манила его на свой яркий волшебный свет, будто китайский фонарик. Уж и терять теперь было нечего, кроме как вновь последовать за ней, то ли из азарта, то ли по иным каким неведомым душевным

причинам. Да хоть бы из любопытства, чего греха таить, выведать, в конце концов, все секреты ее фокусов.

– Ваша роль – доставить нам всю информацию. Завтра видно будет. Но ночь перед Рождеством обещает быть... – тут Ульяна сделала торжественный жест заправского циркача, разведя руками невидимый занавес, – не-за-бы-ва-а-аемой.

Сердце Делина похолодело. А как увидел то, что девушка и юный миллионер из Парижа перекинулись шкодливymi взглядами, а следом многозначительно улыбнулись во все тридцать два зуба, совсем ушло в пятки.

Но про Михайлова он все подчистую выведал. Повезло. В ту же ночь, отправившись на Апраксин двор, знакомых стал искать по кабакам и по игорным домам, повстречал-таки одного знакомого филера в отставке, затем другого. Ведь всех, кто в деле бюловском участвовал, поувольняли, не назвав причины. Не любили чиновники дел, которые в воздухе повисали, не любили преступников, которых изловить не удалось. Всегда удобно закрыть глаза на промахи по службе, это и для отчетности удобней, и хлопот меньше. Сам таким был, чего опять же греха таить.

– С людьми им легче обойтись дурно, чем с бумагами. Бумагой в нашем мире поболее дорожат... Эх!.. Дневник не уничтожили, все документы аккуратно в папочке покоятся, – давал отчет Кирилл Маркович Ульяне.

Все трое закрылись в гостиничном номере «Большой Северной», где Ромэн и Ульяна со всей помпезностью остановились под именами Зои и Николая Габриелли, якобы знаменитой в Европе пары медиумов – брата и сестры.

Ульяна за обе щеки уплетала цукаты, положив большое блюдо себе на колени, и внимательно слушала. Одета она была как дочь раджи, не меньше. Вся в серебре. Поверх темно-синего платья с кружевами и тюрнюрком через одно плечо на манер индийских сари была перекинута шаль тонкого шелка с изящной индийской вышивкой. Лица Ульяны не узнал бы никто, даже Иван Несторович, до того оно было изменено с помощью красок: подведенные глаза, размашистые, тонкие, иссиня-черные брови, алый ротик, серьга-кафф в носу с цепочкой, уходящей к уху. По прямому пробору черного парика ко лбу спускалась диадема. И в довершение ярко-алый узор в виде капельки на межбровье. Один только ее экзотичный вид позволил беспрепятственно занять лучший из номеров гостиницы. Господин Соловьев, владелец, сам хлопотал о номере, делая всяческие намеки на ангажементы, надеялся повеселить гостей сеансами спиритуализма в новогодние праздники.

Но Ульяна собиралась тешить публику фокусами совсем в другом месте. Ничего, покормит обещаниями хозяина, недели хватит, потом съедут.

Все складывалось как нельзя более чудесно. Полицейский чиновник из Архива жил совсем неподалеку, в Ковенском переулке, в доме номер 18, в небольшом особнячке с мезонином и садом, принадлежащем двоюродному брату жены – банкиру лет тридцати пяти – Бирееву Петру Евгеньевичу. Тот держал ювелирную лавку и занимался торговлей коврами; частенько бывал в гостях у родственников. Кроме кузена начальник Архива имел сына семи лет и дочь – лет шестнадцати. Та едва окончила гимназию и находилась в поисках зятя для папеньки.

– Ромэн, – жуя, воскликнула Ульяна, – ты станешь зятем для Семена Петровича.

Ромэн аж подскочил на месте.

– Не делай таких глаз, мой дорогой месье Габриелли, всего лишь до Святков, потом мы уедем. Но даровать надежду никогда не бывает лишним. Вы стройны, красивы, богаты и француз. Девушка просто обязана потерять голову.

– О, только если она тоже красива, я согласен, – отвечал Ромэн, вновь развалившись на кушетке напротив, а ноги закинув на хрустальный столик.

– Она красива? – серьезно спросила Ульяна исправника, будто от его ответа зависел успех предприятия.

Тот, едва сдерживая недовольство, грозно шевелил усами.

– Она юна. Этого достаточно, – выдавил сквозь зубы Делин. – Вы хотите соблазнить бедную девушку? Разбить ей сердце?

– Только сердце, ничего более мы трогать не станем, – заверила его Ульяна. – Чем же занят досуг юной девы? Что она делать любит? Вышивать у окна? Может, иногда выходит из дому?

– Вечера она проводит в саду Юсупова, на катке.

– На катке! – воодушевленно воскликнула Ульяна, и ее рука с засахаренной конфетой застыла в воздухе в дюйме от рта. – Чудо! Ромэн, вы были на катке? Я только лишь один раз, когда с дядюшкой мы посещали столицу на празднике Масленицы. Это карнавал, море огней, ледовые скульптуры... Ах, до чего было хорошо! Очень хорошо, что мадемуазель Михайлова любит празднества. В шумной толпе нам проще будет вас свести. Итак, план таков.

Она поднялась, отложила сладости, оправила складки платья, пригладила черную косу новенького парика, который так давно мечтала где-нибудь использовать и который был так к лицу Зое Габриелли, и снова принялась вышагивать из стороны в сторону, как делала всякий раз, когда в мыслях зарождался очередной гениальный план.

– Вечером мы отправимся в Юсупов сад. Вы, Ромэн... А как зовут красу-девицу?

– Катериной Семеновной, – неохотно ответил Делин; все больше и больше ему не нравилось то, что он слышал и наблюдал.

– Прекрасно! Значит, Катенька.

– Катрин, – мечтательно вставил Ромэн.

– Только не смей в нее влюбиться, – нахмурилась Ульяна. – Ты должен помнить, сердце мы оставляем спокойным и пустым. Никаких привязанностей! Только стоит прикипеть к кому душой – все! Удача отворачивается от таких. Не зря говорят, не везет в картах, везет в любви. Я предпочитаю карты.

– Да, да, Элен, я понял.

Делин не отрывал пристального взгляда от девушки, ловил слухом каждое ее слово, анализировал каждую ее идею. Но чем дальше он пытался понять логику ее действий, тем больше осознавал, что логики в них нет. Она была мастером забав и баловства, совершенно непредсказуемого, бесцельного, ребяческого, и оттого опасного баловства.

– И смеяться тоже не смей! – продолжала отчитывать Ульяна своего подмастерья. – Отчего у тебя все время улыбка до ушей? – журила она. – Здесь тебе не Франция. Здесь у всех на лице преобладает печальная русская задумчивость и безутешная отрешенность. Вот такая.

Лицо Ульяны вдруг вытянулось, она сделала большие грустные глаза, взор обратила к потолку, даже слезу пустить умудрилась, за которую Сара Бернар отдала бы полжизни. Кирилл Маркович чуть рот не раскрыл от удивления, до того быстро умела эта девушка меняться в лице. Просто королева «Комеди Франсез», страшный человек, ой, страшный человек!

– Но ты же разрешила остаться мне французом! – вскричал Ромэн, аплодируя дару своей напарницы. – Как я покорю девушку, если не покажу ей всего потенциала, на какое способно и мое лицо?

– Пожалуйста, ты волен покорять ее, как тебе будет угодно, но не смей смеяться, как ты это сделал в случае с месье Иноземцевым. Он меня тогда чуть не убил.

– Я принес тысячу извинений! Готов принести столько же. Клянусь, на этот раз я буду абсолютно серьезен.

Оба сошли на французский, посему Делин и теперь не узнал печального конца истории с панамским аукционером. Заметив, как чернеет от недовольства его лицо, Ульяна опомнилась и вновь заговорила по-русски.

– Ромэн предложит девушке покатать ее и брата у себя в санях. Он сумеет ее разговаривать и выудить множество всяческих девичьих секретов, которые обычно девушки стремглав

спешат раскрыть, теряя голову, едва у их ног окажется очаровательный юноша. Да и обо мне, о Зое Габриелли, расскажет заодно, разожжет любопытство, заинтригует. Я же буду ехать на запятках в костюме местного шпаненка. И все слушать. Потом Ромэн и Катенька отправятся кататься на коньках.

Перевела взгляд на Лессепса:

– Ты, Ромэн, шлепнешься как следует и потеряешь сознание. Через четверть часа, как станешь на коньки, – не раньше, я ж принарядиться-то должна успеть. И не смей смеяться. Очень пожалеешь!.. – гневно повторила Ульяна, но тотчас же расплылась в улыбке.

– Потом появляюсь я! – Она закрыла глаза и представила себя в новом образе. – Мадемуазель Зои Габриелли, девушка-медиум. И на глазах взволнованной публики приведу вас в чувство одним прикосновением ладони ко лбу. Альтернатор в моем браслете создаст искру. Это будет самым ошеломляющим воскрешением за всю историю человечества.

Потом переходим к этапу номер два. Я сделаю возвышенное лицо и начну читать судьбу нашей Катеньки, про гимназию расскажу, про все-все, что вы мне, Кирилл Маркович, сейчас поведали, о родственниках, о случаях семейных, про болезни расскажу и как лечить их. И даже о будущей корреспонденции напомним. Надо будет на почту сходить – нет ли писем для семьи Михайловых, авось удастся вскрыть их даже и пару строчек высмотреть. Потом козырнуть, когда еще письмо нераскрытое в руках одного из членов семьи окажется. Уверена, что удивленная всем этим девушка поведаст о встрече с ясновидящей своей маменьке и бабушке, а те, конечно же, захотят со мной лично познакомиться. Да роману с... Ромэном, то есть Николая, никто тогда препятствовать не станет. Потом они, конечно же, пригласят нас погостить у себя, ведь канун Рождества. А уж когда мы окажемся у них дома, пару спиритических сеансов устроить будет легче легкого. Мм-м? Как вам моя идея, Кирилл Маркович?

С недоумением и поджав губы, Делин слушал и наблюдал за воодушевленным рассказом девушки, смотрел, как она размахивала руками и смешно корчила рожицы, изображая то себя, то невинную жертву Катеньку, то Ромэна.

– Как же вы за всем этим думаете оказаться в Архиве? Или вы только ради забавы замыслили спектакль, совсем позабыв о том, зачем мы здесь находимся.

– Нет, ничего я не забыла. Просто я люблю все делать тщательно.

– Видимо, именно с такой вот тщательностью вы планировали убийства бедных докторов у себя в Бюловке и барона Рейнаха. Годами мучили ведь! И время вас совершенно не расстраивало. Вы самый настоящий маньяк, Ульяна Владимировна, который от своих преступлений получает удовольствие, – мрачно заявил Делин.

На это Ульяна лишь улыбнулась и пожала плечами.

– Ну да! И что? Я хочу праздника на Сочельник! И я его получу. И дневник тоже. Поскольку в этот вечер, пока хозяева дома будут наслаждаться гаданиями и спиритическим сеансом, Ромэн, переодевшись в мундир Семена Петровича, отправится в Полицейский Архив. А потом вернется, и никто ничего никогда не узнает. Вы, Кирилл Маркович, с нами? Иноземцеву его тетрадку потом кто отдаст?

– Я призраков семьи Михайловых изображать увольняюсь. Не дождетесь, Ульяна Владимировна, делать из меня второй раз шута.

– А вам и не потребуется, Кирилл Маркович! Мы с Ромэном сами все устроим. Поверьте, у нас есть отличный в сем деле опыт, который следует закрепить.

Оба вновь друг другу подмигнули. На их лицах было столько озорства, что казалось, вот-вот соскочат с места и, взявшись за руки, примутся кружиться в польке, совсем как малые дети в ожидании праздника вокруг елки. Кирилл Маркович вздохнул, проведя рукой по усам. С кем связался, ах боже ж ты мой!

Глава V

Медиум Зои Габриелли

До самого вечера Ульяна и Ромэн провели в Юсуповом саду, пытаясь научиться держаться на льду. Вернее, училась Ульяна, а юноша лишь любовался подругой. Ему незачем было изображать умельца, поскольку по плану требовалось упасть. А для падения стараний никаких прилагать не надобно: и без того через каждый аршин с отборной прованской руганью на спину опрокидывался, а потом, как майский жук, смешно руками и ногами дергал, пытаясь подняться.

– Так я свидания живым не дождусь. А если и смогу повалиться вовремя, вам, Элен, придется меня уж не прикосновением руки ко лбу лечить, а гипсовой повязкой! – говорил он с досадой, улегшись прямо на лед и заложив руки за голову, будто на софе перед камином или на сеновале летом.

– Не ворчи. У нас еще часа три, – отвечала Ульяна, осторожно вышаркивая вокруг.

Для эффектного появления прекрасной ясновидящей нужно было отрепетировать изящество и непринужденность. Вбила себе Ульяна в голову, что ясновидящие – непременно легкие и воздушные создания, которые к чему бы ни прикасались, все у них получалось искусно и мастерски. На то ведь и сверхспособности, чтобы ими в жизни можно было щеголять. А она, будто пингвин на коньках, выглядела – не порядок.

– Хоть бы по прямой линии научиться, – раздраженно бормотала она, с завистью глядя, как пересекали вокруг спортсмены из Петербургского общества любителей бега на коньках, девушки и юноши парами, которые, вероятно, катались с детства, малые детки в смешных пальтишках и те носились, визжали и почти не спотыкались. Росла она в проклятой Бюловке, где даже озеро – одно-единственное на весь уезд – никогда не замерзало. Правильно его Иван Несторович уничтожил тогда, эту бесполезную лужу. Сейчас бы тоже летала взад-вперед, аки водомерка, быть может, смогла бы подскочить или даже петлю исполнить. А уж повторить подвиг Акселя Паульсена, который здесь с уст не сходил у всех вокруг! Кто таков, Ульяна знать не знала, но манера прыгать у него была особенная – едва ль не дважды вокруг своей оси нужно было обернуться. И все то в воздухе, в прыжке!

Об этом, разумеется, даже помышлять из осторожности нельзя было, не ровен час, упадет вместо Ромэна, и всей капитальной операции конец.

Людей было на катке что на ярмарке, не протолкнуться. Уже и елочку водрузили – красавицу, всю в лакомых украшениях, павильоны с горячими напитками расставили – яркие с флажками и фонариками, ледяные скульптуры соорудили – настоящие произведения искусства: были тут Мороз Иванович с посохом, и зверюшки разные, и избы ледяные, и горки. Поговаривали, что грядут большие соревнования по конькобежному спорту, из разных стран гостей ждали.

Со своим природным упрямством, да и ловкостью и гибкостью не обделенная, Ульяна к вечерним огням уже уверенно скользила меж парочками, группками и одноместными санками. Если бы не длинная юбка, пошла б ва-банк и прыгнула б этот знаменитый «аксель». Уж столько здесь умельцев вертеться в воздухе насмотрелась до головокружения, что решила – непременно и у нее получится.

Но оказавшийся более благоразумным, да и более ленивым в деле обучения юный Лессепс оттащил девушку от катка, хоть та и сопротивлялась.

– Я прыгну, сейчас я прыгну, – ругалась она, – я чувствую, что могу! Я уже готова!

– Время, Ульяна Владимировна, время, – настойчиво повторял Ромэн.

– Еще разочек, еще пять минуточек.

- Вы переломаете себе ноги, что я потом месье Иноземцеву скажу.
- Кому?
- Вы помните, что мы ждем прихода мадемуазель Катеньки?
- Кого?

Глаза Ульяны горели неестественным блеском, щеки, нос, кончики ушей были красными, точно кто свеклой натер, она сжимала зубы и не могла оторвать взгляда от группы спортсменов, которые в удобных брюках исполняли причудливые фигуры, то одну ногу приподняв, то другую. Ромэн едва ли не силком ее тащил к теплым павильонам, чтобы отогреться и немного перевести дух после невероятных трехчасовых усилий.

Стуча зубами и сжимая кружку грога, девушка все повторяла, будто сама с собой разговаривает:

– Вот сейчас надену брюки и прыгну. Пока ты Катеньку охаживать будешь, я покатаюсь успею.

Ромэн только улыбнулся неловко – Ульяна до того азартным человеком была, до того напористой, не удержат, если что задумает. Как она сама про таких говаривала – хоть кол на голове чеши. Ведь прыгнет, и пока лица себе не разобьет, не утихомирится.

Уже достаточно хорошо знавший свою русскую подругу, он даже уговаривать ее не стал и не удивился, когда сани для прогулки выбирал, краем глаза заметив, что Ульяна, уже переодевшись пареньком, все-таки успела «аксель» свой исполнить, наvertнуться два раза, подняться, еще раз прыгнуть. И не успокоилась, пока не получилось после прыжка удержаться на одной ноге.

Вскоре явился исправник, чтобы указать на лицо девицы, ведь Ульяна и Ромэн в глаза ее прежде не видывали. Все трое обменялись условными знаками и ждать появления Михайловых принялись.

После катаний Ульяну стало даже немного лихорадить. И когда она сидела на запятках саней, в которых весело мчались Ромэн и две шумные хохочущие барышни – одна из которых была Катериной Михайловой, другая – мадемуазелью Сонер, домашней учительницей маленького Сени, ее охватила слабость и грусть, граничащая с негой. И весьма кстати, ведь нужно было поубавить пыл со всеми этими «акселями» и петлями, вспомнить о будущей роли и вновь попредставлять, какой бы она была Зои Габриелли. Утонченной, бледной, с широко распахнутыми глазами и ясным взглядом, в котором застыли слезы. Медиумы наделены высшим знанием, они помнят, как зарождались звезды, они не умеют улыбаться, ведь память их хранит не слишком радостные события прошлых веков.

Ульяна полностью переродилась в Зои Габриелли. Она пронеслась на коньках с этой своей серьгой-кафф в носу и узором в межбровье к рухнувшему Ромэну, будто ангел небесный, упала на колени и столь царственным жестом коснулась лба своего брата, что в эту минуту ошарашенная толпа дружно задержала дыхание, позабыв выдохнуть. Целую минуту каток пребывал в оцепенении, целую минуту молящие взоры были устремлены к склоненной над умирающим. По его виску стекала на белый лед кровь. И уже никто не чаял, что он жив...

- Крепко об лед треснулся.
- Помер, от такого удара не выживают.
- Поглядите, сколько крови натекло, – шептали в толпе.

Но прикосновение юной барышни с иссиня-черной косой и огромными золотисто-янтарными глазами в облике индийской принцессы, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи», заставили несчастного, точно молнией пронзенного, вскочить, шумно вздохнуть и разрыдаться с чувством на ее плече. Потом Ромэн поведал, что, черт возьми, больно бьется током ее браслет с альтернатом.

Подоспевшим в ту минуту санитарам, которые дежурили на катке, Ульяна не дала даже прикоснуться к страдальцу, выхватила бинты и, величественным жестом отстранив их руки, сама принялась перевязывать рассеченный висок.

Раны ведь не было. Падая Ромэн коснулся головы пальцами, меж коими сжимал крошечный пузырь из бычьей кишки, наполненный настоящей кровью. На черной перчатке она была незаметна, а вот на бледном лице, а уж на льду – очень даже. До того трогательно! И Ромэн ничуть не хуже Ульяны умел русскую печаль-тоску и страдание изображать.

Дрожащими руками красавица Зои вытерла кровь и перевязала голову Ромэна, Катерина Семеновна и девица Сонер вертелись рядом, маленький Сеня принялся рыдать, очевидно, перепугавшись – шутка ли, на его глазах человек умер, а потом воскрес. Вдруг девушка-медиум обернулась к Катерине Семеновне и, протянув к ее лицу перепачканную в крови руку, произнесла таким драматическим тоном, до того жутким замогильным голосом, что едва очнувшись толпа снова замерла:

– Внушенька, как же тебе не стыдно, гимназию окончила, а «Опыты» Монтеня забросила читать на первом томе. Нехорошо, ай нехорошо, Марья Борисовна узнает, пожалуется маменьке.

И говорила француженка в индийских украшениях на чистейшем русском, без всякого намека на акцент. Сказав эту странную фразу, девушка-медиум шумно вздохнула, будто только что из нее чья-то душа выпорхнула, и закрыла лицо дрожащими руками.

– Я вижу... – выдавила она по-французски, и голос ее звучал совсем иначе, нежный, тонкий, девичий голосок, а не старческий, скрипучий, как старая телега, бас. – Я вижу ее, она рядом. Кто она? Не могу понять... Она велит читать Монтеня... Что это значит?

Перепуганная Катерина Семеновна прижала ладошки в алых варежках к губам.

– Только один человек постоянно велел мне читать Монтеня, – прошептала она. – Эта моя бабушка, но она год как померла. Неужели вы и вправду с призраками говорить умеете? Это невиданно, батюшки-светы. Мы же только что с месье Габриелли о ней говорили.

– И призвать ее своя беседа. Нужно быт чрезвычайной осторожно, когда говорить о покойник, – строго сказала Ульяна, страшно коверкая русский, стараясь в этом подражать Натали Жановне²¹.

Тут вновь толпа заерзала, зашуршала, зашушукала, стали допытываться, кто эти иностранцы, а уже успевшая узнать от мнимого Николая Габриелли о роде деятельности сестры, взволнованная мадемуазель Михайлова поспешила к сбивчивому рассказу о чудо-способностях девушки с черной косой через плечо, о том, что она ученица самой госпожи Блаватской, что долго жила в Индии и развивала свои способности у местных сиддхов и махатм.

Кое-как поднявшийся на ноги Ромэн с трудом сделал два шага, застонал, схватившись за голову, и вновь рухнул на лед, Ульяне едва давалось держать его под локоть – хрупкая девушка, дабы оживить брата, потеряла все силы. Было ясно, что оба не смогут идти без чьей-либо помощи. Тотчас кто-то распорядился подогнать сани, мадемуазель Михайлова назвала адрес своего дома, и под звон бубенцов все пятеро отправились на Ковенский переулок.

Первый пункт плана был сработан блестяще.

Ульяне не пришлось прилагать много усилий, дабы оставаться в образе медиума. Ее сильно лихорадило, от усталости она побледнела и едва ворочала языком, отвечая на бесчисленные вопросы домочадцев семьи Михайловых. Она вещала, томно прикрыв веки и прижав кончики пальцев к вискам. К часу ужина вся семья была в сборе: отец семейства, надворный советник Семен Петрович, его супруга, Дарья Валерьяновна – высокая брюнетка с красивой сединой в волосах и романтической задумчивостью в лице, что говорило о ее натуре, склонной ко всякого рода мистике и прочим чудесам. Она смотрела на гостью во все глаза, слушала ее

²¹ Читайте об этом в романе Ю. Нелидовой «Дело о бюловском звере» (Издательство «ЭКСМО»).

во все уши. Ульяна внутренне потирала руки, маман нашей принцессы полностью во власти инспираций мнимой ученицы Блаватской, основательницы сообщества теософов. Была здесь и вторая бабушка Кати, мать Семена Петровича, Авдотья Феокистовна, прямо точь-в-точь, как гоголевская Коробочка, неповоротливая, в накрахмаленном чепце, но с первых минут к черноволосой французской экстрасенше всплывшая дружеским чувством. Даже вполне современный и скептически воспитанный банкирских дел мастер Петр Евгеньевич Биреев поверил в способности девушки, когда та, устремив на него стеклянный взор и театрально простерши руки, принялась в деталях рассказывать, какие дела он имел со скопческой общиной и как торговал с Туркестанским краем да со всей Закаспийской областью. Спасибо делинским знакомым филерам. У банкира глаза на лоб полезли, он замахал руками, почти умоляя замолчать, захлебываясь изумленными междометиями и многозначительно скосив взгляд к почтенной Авдотье Феокистовне, которая уже наострила уши.

– Видать, дом этот действует на вас мистически, – наконец нашелся Биреев, приглаживая дрожащими руками светлые волосы, – у него была раздражающая особенность постоянно проводить ладонью по набриллиантированным локонам ото лба к затылку.

– Да, – отозвалась Ульяна и, снова приподняв ладони, встала, прошлась по комнате, водя ими по воздуху загадочным манером, словно пыталась поймать невидимый сигнал от прежних обитателей особняка. Она всякий раз поднимала руки ладонями вверх, когда нужно было щегольнуть очередным провозвестием. – Когда-то здесь было много последователей общины духовных христиан, белых голубей. Я чувствую их присутствие. Все они кричат: «Новый Иерусалим». Я вижу огромный зал сквозь стены, обивку и мебель, много людей, которые стекались сюда со всей России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.